

Церковно-общественный журнал «Апостол»
издается с 2009 года по благословению
митрополита Крутицкого и
Коломенского Ювеналия

«Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви»
Свидетельство о присвоении
грифа № 240 от 19.04.2013г.

Печатное СМИ журнал
зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
номер свидетельства регистрации:
ПИ № ТУ 50-01542 от 08.11.2012

Учредитель и издатель: МРОП приход
Иоанно-Богословского храма
г. Коломна Московской обл.
Московской епархии
Русской Православной Церкви

Адрес редакции и издателя:
140400, Московская область,
г. Коломна, пл. Двух революций, д. 1
тел.: 8 (926) 515-41-58
www.ioann-apostol.ru
e-mail: hram@ioann-apostol.ru

Отпечатано в типографии «Вива Стар»
адрес: 107023, г. Москва,
ул. Электrozаводская, д.20, стр.3
Тираж: 1000 экз.
Подписан в печать 22.04.2019 г.
Цена свободная
Издается на добровольные
пожертвования

Просим не использовать журнал
в бытовых целях и не выбрасывать,
так как на его страницах написано
Имя Божие, тексты Священного
Писания, именованя Богородицы
и святых. Если издание стало
не нужно, верните его в храм или
отдайте тому, кому оно может
оказаться душеполезным

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов

При использование материалов
ссылка на церковно-общественный
журнал «Апостол» обязательна

1 (21) – 2019

АПОСТОЛ

Церковно-общественный журнал

В НОМЕРЕ:

Епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) О вечной радости Воскресения	2
Священник Димитрий Шаповалов Чудо новомучеников Интервью с членом Синодальной Комиссии по канонизации святых, настоятелем Казанского храма г. Реутова протоиерем Максимом Максимовым	4
Священник Илия Ничипоров Поэтический мир Татьяны Гримблит	14
Коломна и ее духовенство Анна Индзинская Семья Лебедевых	26
Людмила Сурова Предисловие	30
Письмо монахини Коломенского Успенского девичьего монастыря Анатолии Гусевой из Святой земли к священнику Алексею Михайловичу Лебедеву	32
Валерий Ярхо Культурное поприще	40
Анастасия Киселева Живая вода Интервью с художественным руководителем, режиссером и сценаристом театра «Живая вода» Ларисой Никулиной	48
Ольга Индзинская «Когда дорога весело манит...»	56
Главный редактор: благочинный церковей города Коломны и Коломенского округа епископ Луховицкий Петр	
Выпускающий редактор: настоятель Иоанно-Богословского храма города Коломны священник Димитрий Шаповалов	
Литературный редактор: Анна Индзинская	
Помощники гл. редактора: Сергей Колоухин, Анастасия Киселева	
Ответственный секретарь: Вера Матюшенкова	

В номере использованы фотоматериалы из архива Коломенского благочиния,
авторов статей и открытых источников сети интернет

О вечной радости Воскресения

Епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев)
24.11.1878 – 17.09.1937

Братия! Христос воскрес! Христос воскрес! Сегодня последний день Светлой седмицы и поэтому усугубьте призывы Воскресшего!

В сердце вашем, быть может, печаль... Зачем проходят дни ликования и кончается праздник? Скоро закроется вход во Святая святых и оборвутся радостные пасхальные песни. Зачем? Зачем? Остаться бы навечно в ликующей выси и знать только радость... Ведь пребывание с Христом – бесконечно, и неугасима радость пребывания с Ним!

Братия, праздник кончается только по земному порядку вещей. В этом порядке каждому событию из их годовичного круга естественно отводится ограниченное время. Но Воскресение не кончилось! Оно бесконечно. Разве стираются плоды Воскресения? Разве снова заключается небо? Запирается рай и делается недоступным Небесное Царство? Разве уходит от нас Христос и уже не близки Ему певцы Воскресения?

Нет! Пусть не омрачается лучезарность души, поднятой Воскресением, – Христос с нею веками! Воскресение не исчезает и радость его не тускнеет.

«Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28: 20). И далее: «И мир уже не увидит Меня... ибо Я живу, и вы будете жить» (Ин. 14: 19). Если вы в Господе и Он – в вас, то нет места печали. Будет вечно яркое свет загоревшейся жизни! Пусть не умолкает в вас радость. «Пребудете в любви Моей... и радость наша будет совершенна» (Ин. 15: 10–11). Радость вечного Воскресения – это бесконечная, ничем не сокрушимая радость. «Я увижу вас... и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16: 22).

Так не снижайте же радости! Праздник кончается по внешнему порядку вещей, а ликующая высь остается. Христос остается и душах, остаются слова его: «Радуйтесь!» Этот призыв подкрепляется завещанием: «Радости вашей никто не отнимет у вас». Никто! Никто не в силах отнять радости Великого и Светлого Воскресения. И ничто, ничто, кроме греха, не в силах затемнить ее.

Только радость ваша, братия, с сегодняшнего дня не будет иметь наружной оправы в виде духовного ликования. Сокройте ее в глубине души и храните там как неизгладимый отпечаток Божественного Воскресения. Лелейте в

душе все святые чувства Пасхи, все порывы в Свет Христа, порывы к своему воскресению. Соберите там, как в ларце, все отблески, все алмазные лучи воскресшей жизни.

Если ваши сердца зажглись светом Воскресения, то, конечно, ваша душа, как хранилище даров Пасхи, станет живым источником струй жизни. Из него забьют потоки вдохновляющей силы и заискрятся лучи радости, и вы каждый миг сможете переживать Пасху и вдохновляться святым Воскресением.

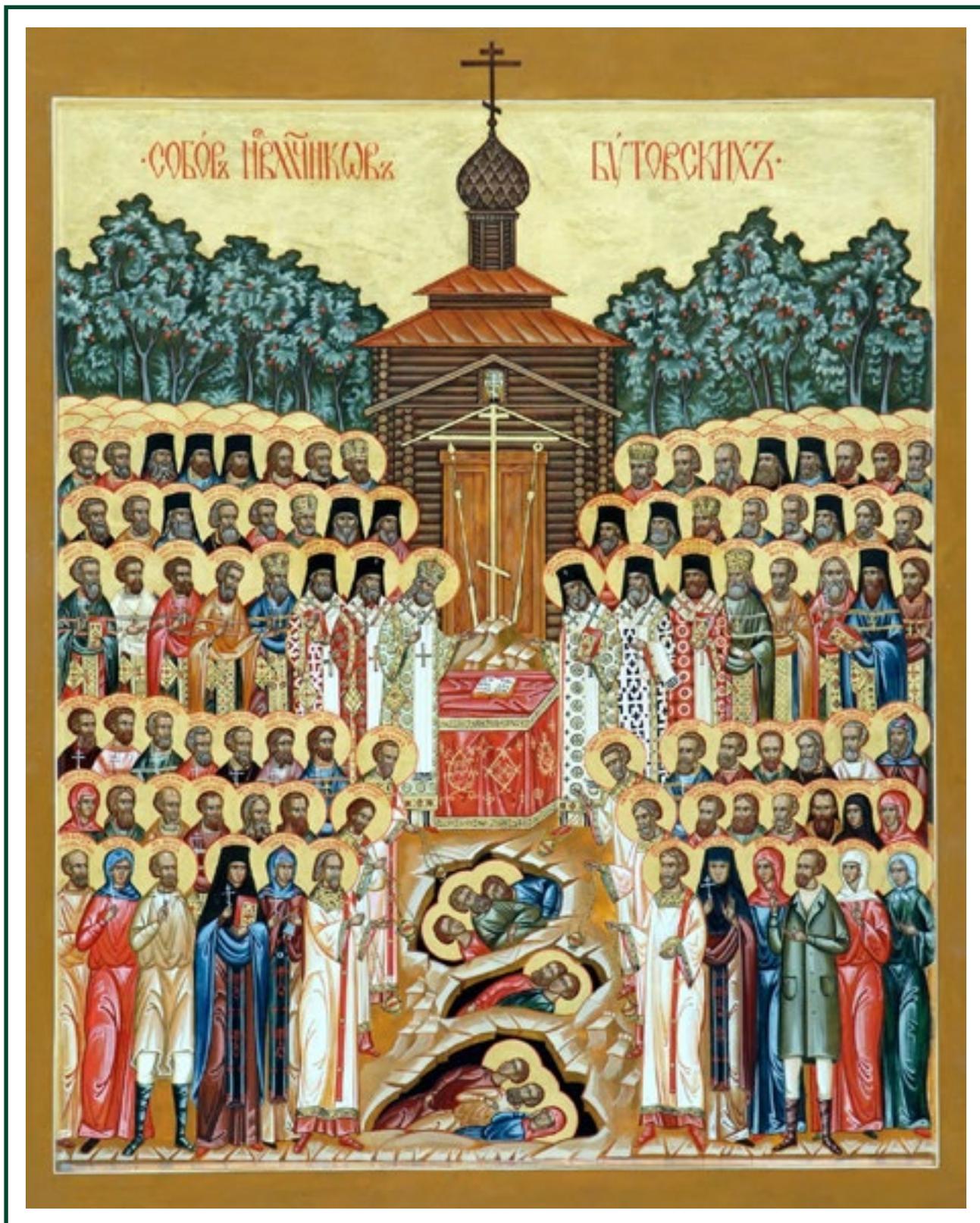
Впрочем, Господь не лишает своих чад и внешнего подкрепления. Святая Церковь празднует поэтому Воскресение каждый седьмой день и посвящает службы этого дня Воскресшему Богу. Это еженедельное Воскресение и есть отблеск Пасхи. Он дается вам, чтобы подкрепить ваше вдохновение, чтобы ярче блистал в вашей душе Свет Воскресения и живее была бы радость о Нем.

Так Свет Воскресения льется круглый год. Он изливается без конца... Пусть же будет в душах неумолкающая радость, пусть будет «веселое вечное»!

Братия, пусть радость вас не оставит! Переместите веселие звуков в неизгладимое веселие души. И пусть душа останется погруженной в волны Божественного Света, пусть Свет Воскресения станет ее постоянным внутренним светом.

В залог того, что Воскресший пребудет с нами навеки, примите святой хлеб – артос, раздаваемый сегодня. Святой артос, возлежавший всю Светлую неделю под алтарем – символ того, что Воскресший Господь здесь, невидимо пребывает с нами. Примите же часть этого святого хлеба как знак, что вы приняли Воскресшего Христа и что Он пребудет с вами веками. Примите как знак, что вкушением этого хлеба вы стали участниками Воскресения, жизни нетленной и вечной. Да будет святой артос залогом вашего воскресения, залогом приобщения Христову Царствию!

Братия, ликуйте же весело! Храня в домах этот символ жизни в Воскресшем Христе, вы пребудете всегда в радости. «Да празднует же весь мир, видимый же и невидимый: Христос бо восста, веселие вечное!» «И нам дарова живот вечный! Поклоняемся Его тридневному Воскресению». Аминь.

Икона «Собор новомучеников Бутовских». XXI век

«Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости»

1 Фес. 4: 7

ЧУДО НОВОМУЧЕНИКОВ

Святым может стать каждый из нас, так как святость, по учению Церкви, – это главное жизненное предназначение человека. Призыв к ней звучит уже в Ветхом Завете: «Я – Господь Бог ваш: освящайтесь и будьте святы, ибо Я свят» (Лев. 11: 44). То же будет сказано и в проповеди апостолов: «...будьте святы, потому что Я свят» (1 Пет. 1: 16); «Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости» (1 Фес. 4: 7); «Если свят начаток, то и целое, и если корень свят, то и ветви» (Рим. 11: 16).

Но что такое святость и как она достигается? На пути к ней человеку нужны верные ориентиры и высокие образцы. Таковыми стали прославленные члены Церкви – святые люди – и память об их жизни, подвигах, наследии.

XX век в Русской Православной Церкви явил сотни новых святых – мучеников за веру. О том, что важно для нас в подвиге новомученичества, мы беседовали с членом Синодальной Комиссии по канонизации святых, настоятелем Казанского храма г. Реутов протоиереем Максимом Максимовым:

– Батюшка, прежде чем начинать разговор о новомучениках, хотелось бы спросить: что такое святость и кто такие святые?

– Зачастую между словами «святость» и «нравственная безупречность» люди ставят знак равенства, и святым называется нравственно возвышенный, чистый человек. Но понятие святости не исчерпывается нравственной безупречностью, оно шире.

Из Священного Писания мы узнаем, что, во-первых, свят Сам Бог, а во-вторых, свято все, что принадлежит (посвящено) Богу: храм, закон Божий, слово Божие, народ Божий. Одно из значений слова «святой» – «отделенный, посвященный». Бог отделен от мира – Он Святой. Вода отделена от другой воды – она святая, посвящена Богу. И люди святые – они, в отличие от всех людей, посвящены Богу. Поэтому когда мы рассуждаем о святых, то говорим в первую очередь о людях, явивших своей жизнью эту посвященность, отдавших себя всецело на служение Богу.

Апостол Павел, обращаясь к первым христианам в Риме, называл их «призванными святыми» (Рим. 1: 7), «святыми во Христе Иисусе» (Флп. 1: 1). Это не значит, что древняя Церковь состояла из нравственно безупречных людей, речь шла именно о призвании быть святыми. И отличие святых от не-святых состоит в том, что святые всегда обращены к Богу, Которому они посвящены, и только в Нем Одном ищут конечную цель жизни. Об этой устремленности всех людей к богопознанию замечательно высказался учитель Древней Церкви блаженный Августин: «Ты, Боже, создал нас со стремлением к Тебе, и беспокойно наше сердце, пока не успокоится в Тебе».

– Но мы все равно чувствуем глубокую разницу между святыми и нами, хотя тоже говорим, что посвящаем себя Богу, стараемся бороться со своими недостатками... В чем наше отличие?

– На пути совершенствования, преуспевания духовного, Бог и Церковь Христова полагают нам образцы – вершины подвига – в конкретных святых. И даже показывают через их житие, как они этих вершин достигли. Мученики, например, через всецелое самопожертвование. Подвижники веры стремились всеми силами

Протоиерей Максим Максимов

укротить страсти, пороки, и делали это с помощью молитвы, поста, милостыни – деятельной любви к Богу и ближнему. Таких людей бесконечное множество, список святых не исчерпывается календарем или сводной табличкой «количество человек в Царстве Небесном»...

Так сложилось, что о некоторых святых мы достоверно знаем обстоятельства и содержание их подвига. А главным и очень существенным является тот факт, что Сам Бог показывает через этих людей Свое присутствие и Свою благодать чудесами, знамениями, происходящими от их икон, или останков (мощей), или в местах, связанных с их служением.

И если к свидетельству от Бога через мученичество или через чудо прибавляется осведомленность Церкви о подвижнической жизни человека, – то есть основания для провозглашения его святым. Но святым делает Бог, а не наше провозглашение. Мы только констатируем: подвижник такой-то Богу угодил, он не умер, и для Церкви он живой, а Бог являет Свое присутствие через него, собирает Свой народ через него и учит нас жизни по вере. Вот такие люди причисляются к так называемому лику – или собору, сонму – святых.

– То есть прославленные Церковью святые – это как образец нам и указатель, как идти в Царство Небесное?

– Да.

– Какова в этой связи особенность святости новомучеников и исповедников – святых XX века? Что они явили?

– Многие люди говорят: «Если бы я увидел чудо, то поверил». Мы можем засвидетельствовать совершенно обратное: не вера возникает в результате чуда (чаще всего она и не возникает в результате чуда), а чудо возникает в результате веры.

Огромное число людей XX века показало, что христианство для них не пустая традиция, которую можно поменять в угоду времени, списать как исторически отжившую и никому не нужную. Беззащитные, обреченные на унижение и смерть люди противостояли такому организованному безбожию, что мы не можем не удивиться: они не только вышли победителями из этой борьбы, но и сама Церковь, само христианство оказались сохраненными в нашем народе благодаря их подвигу, а это и есть их величайшее чудо.

Поэтому особенность святости в XX веке напрямую связана с живым исповеданием Христа не как идеи, приносящей прибыль, или национальной идеи, делающей нас принципиально отличными от всех других народов земли. Ничего подобного! Новомученики засвидетельствовали, что христианство живо не умозрительно (в душе), а в повседневной жизни, в которой они, может, много чего не успели, не достигли и не реализовали. Но когда Бог позвал их быть Своими свидетелями, Своими друзьями и Своими служителями, они – каждый из этих мучеников – явили настоящую любовь к живому Христу.

Варваринская часовня на Соловецком острове. 1920-е годы

Архиепископ Воронежский и Задонский Петр (Зверев)

Архиепископ Петр, в миру Василий Константинович Зверев, родился в 1878 году в семье священника. Закончив историко-филологический факультет МГУ, поступил в Казанскую духовную академию, где принял монашество с именем Петр и был рукоположен в иеромонаха.

8 августа 1910 года возведен в сан архимандрита.

В 1916–1917 годах служил проповедником на фронте.

15 февраля 1919 года был хиротонисан Патриархом Тихоном в епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. В мае 1921 года арестован и пробыл в заключении до 4 января 1922 года.

Со 2 января 1922 года назначен епископом Старицким, викарием Тверской епархии. Служил как простой священник, распорядившись все ценные вещи из храмов, кроме предметов для священнослужения, передать для нужд голодающих Поволжья.

22 ноября 1924 года арестован и выслан в Туркестан на два года.

В 1924 году недолго управлял Московской епархией.

С января 1926 года по просьбе верующих был назначен архиепископом Воронежским и Задонским. 29 ноября 1926 года арестован, 22 марта 1927 года приговорен к 10 годам лишения свободы «за контрреволюционную деятельность» и отправлен для отбытия наказания на Соловецкий остров, где был избран ссыльными архиереями главой соловецкого православного духовенства.

В январе 1929 года заболел тифом и был перевезен в Гологофско-Распятский скит на о. Анзер, где скончался 7 февраля. Вопреки запрету начальства, был похоронен отдельно, после отпевания и в облачении, напротив алтаря храма Воскресения Христова на о. Анзер.

17 июня 1999 года было установлено место его захоронения и обретены мощи.

В 2000 году архиепископ Петр прославлен РПЦ как священномученик.

В настоящее время его мощи, за исключением честной главы, оставленной на Соловках, покоятся в Алексиево-Акатовом женском монастыре Воронежа. На месте обретения мощей на о. Анзер поставлена часовня.

Остров Анзер.
Место заключения архиепископа Петра (Зверева)

Вход в камеру

Остров Анзер,
Голгофско-
Распятский скит.

Камера,
в которой
скончался
архиепископ
Петр

Вот в этом – урок веку XXI, много рассуждающему о высоких добродетелях, цели в жизни, взаимоотношениях людей... Что будет положено в основу устройства общества?

Явленный в таком множестве, этот подвиг показал, что сердцевиной жизни народа осталась живая христианская вера. Дай нам Бог такую веру стяжать! И новомученики как, наверное, никакие другие святые, воссиявшие в Русской Церкви и во всей Вселенской Церкви, для нас оказываются сегодня ориентиром, если говорить о восстановлении духовной и, в первую очередь, церковной жизни народа.

Я понимаю, что разговор о новомучениках для людей нецерковных почти неинтересен. Лишь жалостью отзовется сердце постороннего для Церкви человека на факт убийства или осуждения невинных людей, подвергнутых физической, психической, нравственной, социальной, политической тирании... Но такой жалостью нельзя поправить ошибок, сделанных человечеством.

Прославлением новомучеников Господь призывает чад Своей Церкви увидеть, что они не новички: их ждет давно возделанная нива, политая потом и слезами новомучеников. Мы живем плодами их благодатного сеяния и должны в их подвиг как бы включиться, продолжить его. И это необязательно будет связано для нас с убийством, заключением в лагеря, этапами, ссылками, тюрьмами, расстрелами... Но напрямую связано с нашей решительностью жить по вере, по Евангелию.

В первую очередь мы должны воспринять от них живую традицию христианской жизни. Мы умом верим в Бога, в необходимость добродетелей, в набор общечеловеческих ценностей: семья, дружба, родина, работа, облагораживающий труд, искусство – в то, чем человек принципиально отличается от животного и что позволяет каждой личности совершенствоваться. Но ведь самое важное – не развитие внешних способностей, мышц, ума, свойств характера, а наше движение к Царству Божию как личное, так и коллективное.

Можно думать, что если мы русские, крещеные, православные, то Царство Божие у нас в кармане. А Господь говорит, что Царство Божие нудится, то есть достигается только теми, кто старается, предпринимает усилия, чтобы войти в него (Мф. 11: 12). И мы должны

спрашивать себя: насколько наша жизнь соответствует жизни мучеников? Ищем ли мы Царства Божия, хотим ли быть его наследниками? Или живем в мире успокоения, который может разрушиться от любого человеческого прикосновения?

Ведь каждый второй человек, с которым общается священник, уверяет, что у него Бог в душе, такой человек даже не понимает, что смысл христианства – не одного себя, свою душу спасти. И если бы речь шла о том, что Бог будет частью души, то разве сказал бы Он: «Вы – свет мира... И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5: 14–15). И «всем» здесь значит, что все должны увидеть в нас эту веру. Как же они ее увидят, если Бог спрятан так глубоко в душе, что ни один человек не догадается, что мы вообще верующие. И пример мучеников XX века показывает, что путь к Богу пролегает не через представление о себе как хранителе Бога в душе, а через исполнение в жизни заповедей Христовых, чтобы люди «видели ваши добрые дела и славили Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16).

Когда мы смотрим на подвиг мучеников, то можем сказать, что Евангелие Христово исполнилось на них целиком. Мир видит их добрые дела, сделанные и в жизни, и в смерти. Их смерть стала не уничтожением, не бессмысленной гибелью, а проповедью о Христе Распятом и Христе Воскресшем.

– Нередко приходится слышать вопрос: а в чем чудо? Люди верили во Христа, служили Ему, а с ними поступили жестоко, их мучали, они страдали, умерли. Где же был Христос? Если это такие хорошие люди, почему Он их не спас здесь?

– В Откровении Божиим, хранящем слова Господа, сказано о пути христианина: не надо думать, что вы проведете свою жизнь на диване, у телевизора, у амбара, заполненного продуктами, и ничего в вашей жизни не случится – ни болезней, ни лишений... Наоборот, вас поведут в судилище, предадут в темницы, будут бить. По какой причине? «Имени Моего ради» (Мф. 10: 16–22). Мир будет без конца проверять христиан, подлинно ли они веруют, и способ проверки у мира только один – силовой.

Братские могилы умерших на о. Анзере заключенных

Страхом смерти или всесильного «общественного мнения» вынудить от человека отречение. В чем тогда чудо? А вынудил ли мир у мучеников это отречение? Нет. А вынудит ли он от меня это отречение? Это открытый вопрос. И поэтому я жду чуда в своей жизни, я преемник этого чуда.

Кто сегодня может прожить жизнь великомучеников Георгия Победоносца, Димитрия Солунского или Артемия? Их житие стало какой-то легендой. Мы даже не соотносим их жизнь со своей собственной. Они слишком для нас высоки и существуют как бы в параллельной реальности.

Мученики XX века жили в той же реальности, что и мы с вами. Они служили в этих храмах, в которых служим и молимся мы, их убивали и содержали в темницах, волокли по судилищам и требовали отречения вот здесь. Земля Подмосковная приняла их тела после убийства, и на этой земле мы осуществляем всю свою жизнь. Это одна и та же реальность. Но меняет ли это что-то в нашей жизни?

Люди думают, что нужно верить, чтобы избавиться от страданий, несправедливости, смерти. А слово Божие предупреждает об обратном. Именно потому, что вы ни в чем не виноваты, вы Христовы, «имени Моего ради», – а не потому что вы бандиты, воры, лжесвидетели, изверги человеческого рода, – вас потащат и ни одного не оставят в покое. И поэтому люди, ищущие в религии комфорта, жестоко ошибаются.

И где-то подспудно многие не хотят становиться христианами, понимая, по-моему, эту почти нестерпимую для души истину: оказывается, быть христианином – это согласиться, что тебя потащат, не потому, что ты злодей, а потому, что ты – не злодей. И оклеветают как злодея...

Поэтому очень наивно представление, что вера во Христа, Его присутствие в жизни христианина должны сопровождаться какой-то человеческой неуязвимостью. Мы как будто должны превратиться в человеков-героев, у нас по пятнадцать жизней, нас убивают – мы воскресаем, нас снова убивают, мы снова воскресаем, на каждое слово мы отвечаем десять, можем останавливать солнце, призывать смерть на врагов... Но что говорит нам слово Божие? «Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6: 28). Господи, как под этим подписаться, как это можно осуществить в жизни? Где-то в уме, я, может, и предполагаю, что это можно осуществить, а реально в жизни-то как? Это показывают нам мученики. Их удивительный подвиг совершен не потому, что из ненависти к мучителям они были готовы терпеть все, что угодно, а потому, что из великой любви к Богу они мучителей не осуждали. И многие мученики предупреждали мучителей, что разрушение Церкви – это грех, который принесет ужасающие плоды для русского народа. Потому что зло, как и добро, приносит свои плоды, люди должны опомниться...

Нам хочется жить спокойно, собирать урожай, строить собственный дом, растить детей, честно исполнять гражданский долг. Всему этому нам не препятствуют, даже помогают. Но мир не щадит никого, если видит в человеке христианина. Он убивает, гонит, притесняет детей, стариков, ценных и неценных, несмотря ни на какие растраты. Это война, в которой не было ни минуты перерыва. Почему и откуда такая ненависть к христианству и христианам? Трудно ответить. А мы, по пословице, – хотим и рыбку съесть, и кости продать. Так удобненько устроиться, чтобы и Христос с нами был, и ничего нам за это не было.

– То есть урок новомучеников заключается и в том, что если ты верующий, то скорби обязательно будут...

Обретение мощей архиепископа Петра. Лития над могилой

– Они нужны. Они не случайность, а, если хотите, – закономерность. Слово апостола Петра вполне нас в этом убеждает. «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас» (1 Пет. 4: 12–14).

– И как тогда смотреть на события столетней давности в истории нашего Отечества? Как на трагедию или на что-то, что нам было нужно?

– Я бы разделил здесь. Трагедия была в том, что людей вынуждали менять мировоззрение, убивали за это. Но с точки зрения Церкви – как

Крест на месте обретения мощей архиепископа Петра.
На заднем фоне храм Воскресения,
в котором во времена лагеря был морг

она бы посмотрела на свой XX век – это ее слава, конечно. Первое поколение большевиков думало, что в ближайшие годы Русская Православная Церковь как организация прекратит свое существование явочным порядком, то есть никто не будет верить в Бога и в храмы ходить. А что они встретили взамен? Какое-то совершенно непонятное для них сопротивление... Слава Церкви в XX веке в том, что она родила в русском народе такое количество верных Богу людей и явила их верность так высоко, так торжественно, что для нас это даже неуместимо. Поэтому для Церкви, я думаю, это время торжества.

С другой стороны, для Церкви это и время оплакивать своих детей, поддавшихся духу атеизма, безбожия, разрушения и смерти. И если бы задумался русский народ о достижении для каждого из нас высочайшего своего предназначения, то, может быть, многое бы изменилось...

– А как помочь людям стать причастными опыту новомучеников, этой верности?

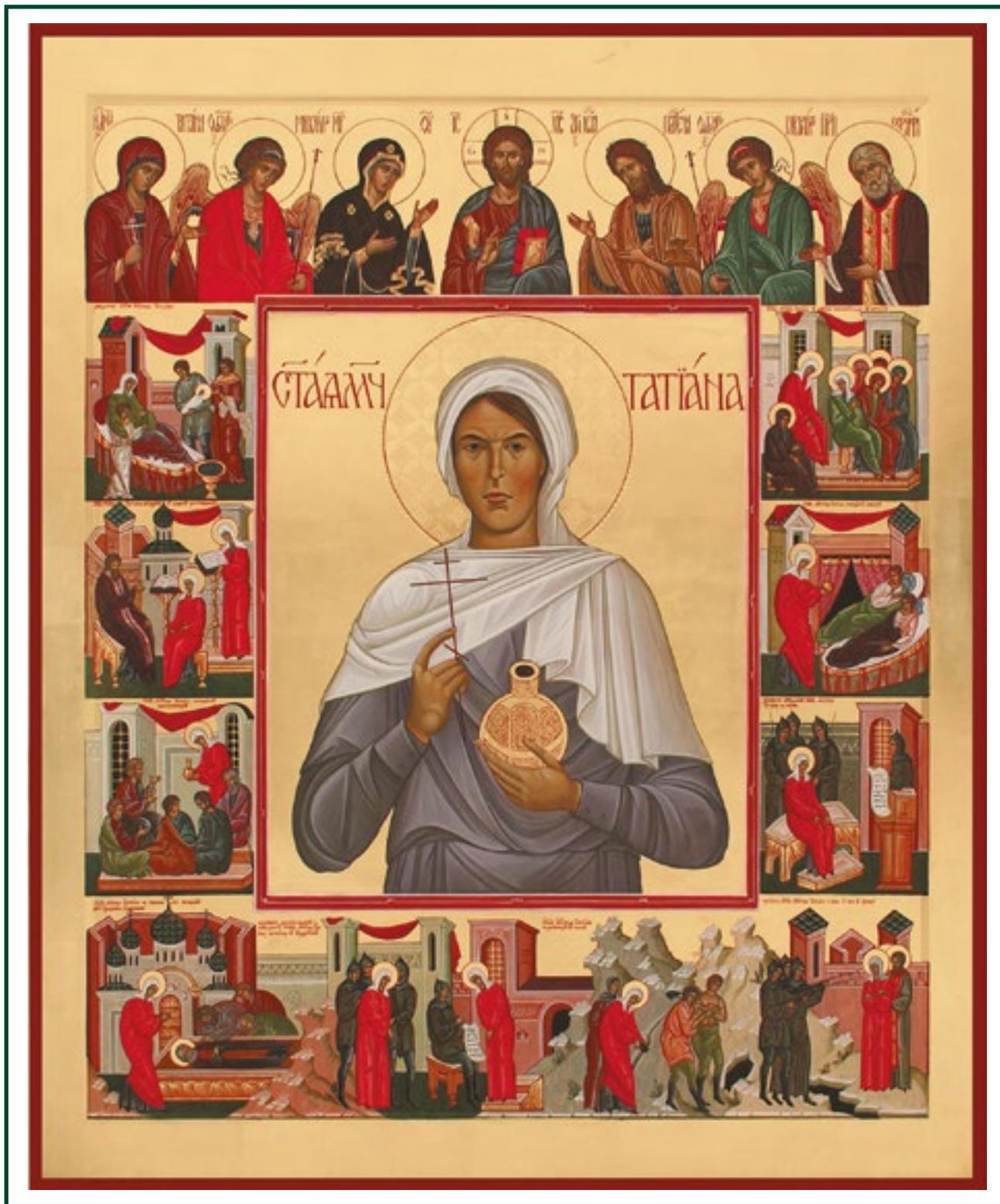
– Об этом нужно не молчать, а говорить и привлекать внимание, вольное или невольное. Нужно проповедовать и рассказывать об этом подвиге, во-первых, для тех, кто сможет откликнуться на него, а, во-вторых, это важно для самой Церкви, потому что, несмотря на захватывающий мир дух атеизма и шельмования Церкви, Церковь ежедневно прирастает верующими. Наша внутренняя миссия имеет своей задачей среди прочего – донести, в чем был смысл жизни Церкви в эпоху гонений и разрушения.

– Напоследок хотелось спросить: Вы много лет трудитесь в комиссии по канонизации святых. Какое-то житие особо осталось в сердце и в памяти?

– Из священномучеников – это житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. А из простых мучеников – это мученица Татьяна Гримблит. У меня есть сын Петя и дочка Таня, они в честь них названы. Мир мучеников очень богат, потому люди могут найти в нем что-то родное себе – на что откликается сердце, воля, внутренний мир.

Есть мученики с очень яркой биографией. Вот если мученицу Татьяну Гримблит взять: человек прожил 35 лет. Из них 12 лет лагерей и ссылок за Христа. Она сознательно взяла на себя подвиг помогать обездоленным, в особенности страдающим за исповедание веры.

Татьяна Гримблит родилась в декабре 1902 года в Томске, ко времени революции ей было 15 лет. Уже в 17 лет – первая тюрьма за оказание помощи арестованным церковникам. Всю жизнь она находилась в активной переписке с огромным числом отбывающих заключение священнослужителей – выдающихся иерархов нашей Церкви и простых священников, а также с верующими мирянами. Она группировала вокруг себя заинтересованных людей, иначе было бы невозможно оказывать помощь почти сотне постоянных адресатов. Она была не понята в семье, и это стало самым страшным испытанием. Любовь к Богу привил ей дед, который служил священником и был законоучителем в университетской церкви в Томске. Он смог открыть перед ней живое Предание.

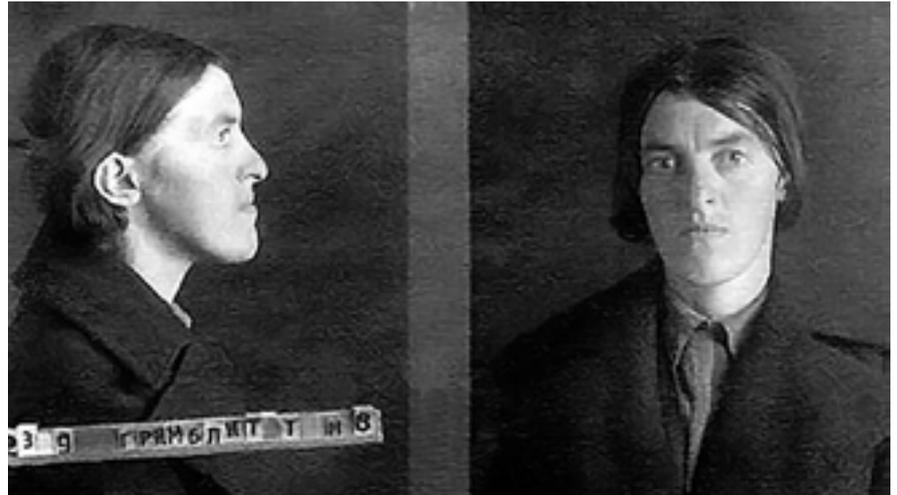
Икона святой мученицы Татианы с житием
XXI век

Следователь в 1937 году пришел в недоумение от ее показаний. На вопрос сослуживцев о том, почему ведет такую скучную жизнь, она отвечала: «Вы тратите деньги на вино и кино, а я на помощь заключенным и Церковь». А о нательном кресте сказала, что снимется он только вместе с головой, так как надет навечно. И человек не боялся ни исповедовать себя верующим, ни жизнь свою осуществлять по вере. А сказано это было не в 2019 году, а 1937, и не перед публикой, а перед следователем. Татьяна Гримблит была расстреляна 23 сентября 1937 года в Бутове, под Москвой.

Когда родственники принесли ее стихи, написанные в ссылках, в тюрьмах и на этапах, – они оказались такими чистыми и светлыми! И нет никакого переживания о своей несчастной доле! Она была полна благодарности Богу за то, что поняла цель и краткость жизни – эту возможность сделать шаг навстречу Богу, Который давным-давно ждет нашего обращения. И меня потрясла ее внутренняя христианская свобода, ее чистота, отзывчивость и радость, о которой говорил апостол Павел: «Всегда радуйтесь... За все благодарите... Духа не угашайте» (1 Фес. 5: 16–19). И человек жил этими простыми советами апостола, и потрясающих высот достиг – в своей внутренней молитвенной жизни и в жизни внешней.

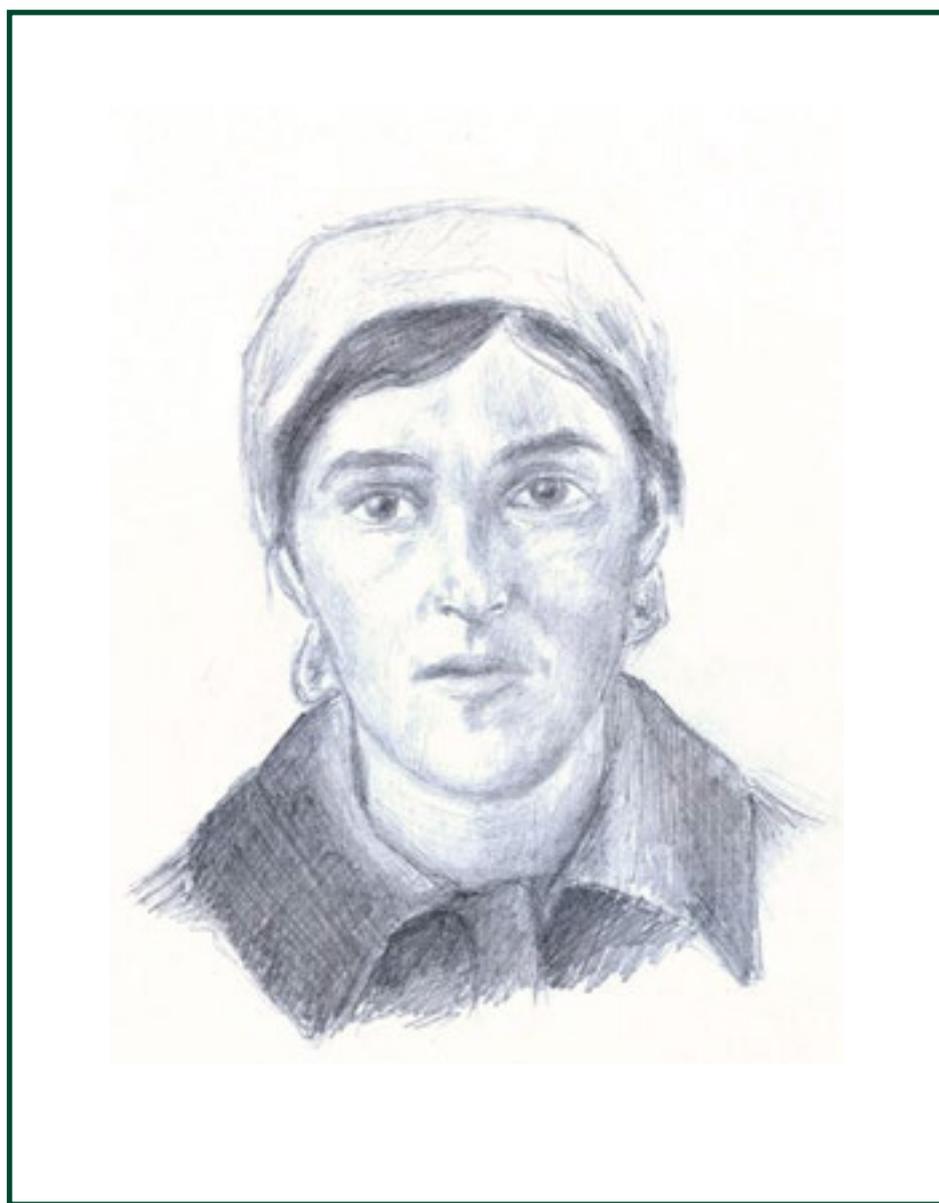
Беседу провел священник Дмитрий Шаповалов, фото из архива протоиерея Максима Максимова

Фотография Татьяны Гримблит за день до расстрела в Бутове

Дети семьи Гримблит. Татьяна вторая слева

Татьяна Гримблит. Рисунок Анны Фоминой

Легче вдруг стало душе,
С сердца как камень свалился:
Верно тогда за меня
Кто-нибудь Богу молился.

1920

Поэтический мир Татьяны Гримблит

Татьяна Николаевна Гримблит (мц. Татиана; 1903–1937) – человек неординарной и трагической судьбы. Она родилась в Томске в благочестивой, церковной семье и уже с юных лет, пережив потерю отца, избрала для себя жертвенное просветительское служение. В 1920 г. она становится воспитательницей в детской колонии, а по окончании Гражданской войны все ее заботы сосредотачиваются на сборе средств и передач для заключенных сибирских лагерей, среди которых было и многочисленное духовенство.

Аресты и допросы 1923 и 1925 гг. не сломили ее воли, в 1926 г. она была выслана в Зырянский край, а в 1927 г. – в Казахстан. Между ссылками, арестами, заключением в Вишерский лагерь она бесстрашно продолжала исповедническую миссию, вела переписку с узниками лагерей и в разные годы несла труды при московском храме святителя Николая в Пыжах, в больницах города Александрова Владимирской области и села Константиново Московской области. В 1937 г. она была арестована и 23 сентября расстреляна на Бутовском полигоне.

Постановлением Священного Синода 17 июля 2002 г. мученица Татиана (Гримблит) причислена к сонму Новомучеников и исповедников Российских.

Вечная память

Ложь, клевета благодарностью будут
 Мне за любовь, за труды.
 Пусть меня каждый и все позабудут, —
 Помни всегда только Ты.
 Вечную память мне дай, умоляю,
 Память Твою, мой Христос.
 С радостью светлой мой путь продвигаю,
 Муку мою кто унес?
 Кто всю тоску, что мне сердце изъела,
 Счастьем, любовью сменил,
 Труд мой посильный в великое дело
 Благостно в подвиг вменил?
 Кто же полюбит в грехе без просвета,
 Грязную душу мою?!
 Только Твое сердце вечно согрето, —
 Ближе к Кресту припаду.
 Иго Твое — это благо святое,
 Бремя же дивно легко,
 Время молитвы — всегда дорогое,
 Злоба и мир далеко.
 Молодость, юность — в одежде терновой,
 Выпита чаша до дна.
 Вечная память мне смертным покровом,
 Верую, будет дана.

1932

Особая грань духовного наследия Т. Гримблит — ее поэтическое творчество 1920–1930-х гг., в котором нашел выражение тюремный, лагерный опыт и художественно раскрылся внутренний мир личности, сохранившей целостное христианское миропонимание в условиях исторических потрясений¹.

В ранних стихотворениях Гримблит середины и второй половины 1920-х гг. постепенно крепнет самобытное звучание ее поэтического голоса. Объемное, пронизанное лирическим чувством изображение тюремной действительности сопряжено с одушевлением как предметного мира, так и внутренних состояний героини. Камеры, двери, стены, решетки выступают немymi свидетелями страданий, а сама личность предстает лишенной «сна-избавителя», терзаемой «ликующей неправдой» и тоской — «демоном-мучителем» («Ночь», 1923). Замкнутое тюремное пространство вырастает до вселенского образа обезбоженного мира: «В окнах решетки слезами омыты // Много страдавших людей».

Тягостное одиночество духовно преодолевается в стихотворениях Гримблит в процессе напряженного постижения тайных сил собственной души, открывая перспективу молитвенного богопознания. По жанру многие ее тексты представляют собой лирические послания, однако подчас они обращены не к внешнему адресату, а к надежде как персонафицированной стихии бытия («Надежда», 1923), к своей душе («Душа», 1926), становящейся предметом углубленного исследования. Тюремный ассоциативный ряд раскрывает антиномию душевной надломленности, скованности «кандалами земной печали» — и духа, «освобожденного» и питаемого Божественным присутствием.

Прорыв к просветляющему инобытию становится у Гримблит сквозным мотивом и получает разноплановые образные воплощения. Лирический сюжет стихотворения «В ссылке» (1926) построен на противостоянии тьмы и света, на вслушивании героини в потаенные ритмы жизни своего «внутреннего человека»,

¹ Мученица Татиана (Гримблит). Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения. — Реутов, 2008. Тексты стихотворений Т. Гримблит приводятся по указанному изданию.

который силой религиозного чувства распознает в скорбных обстоятельствах и внешней несвободе радость Божественной любви («Вместо страданья узнала // Солнечно-яркие дни»). Восходящее к фольклорной традиции обращение лирического «я» с заветным посланием к ветру, общение с одушевленной природой («Вечер-то, вечер смеется, // Месяц по небу бежит...»), живой разговор с близкими, незримо присутствующими душами «друзей дорогих» – обнаруживают в поэзии Гримблит диалогический потенциал. Лирическое, в тюремном одиночестве произносимое слово соединяется с сокровенным богомыслием, запечатлевает тайны природного космоса и иные человеческие судьбы. В стихотворении «Этап» (1926) сцена вынужденного прощания с родными включает архетипический мотив расставания с миром. Поиск опоры в молитвенном предстательстве близких («Богу Христу за меня помолись...») расширяет горизонт лирического переживания, родня его со многими искалеченными душами: «Путь наш суровый слезами облит, // Кто-то со скорбью нас крестит в окне».

С годами в стихотворениях Гримблит все более явственно проступает символическая насыщенность поэтической образности – в развернутой метафорике, в «овеществлении» духовных устремлений лирического «я». В стихотворении «Помилуй мя, Боже» (1932) вырисовывается метафорический образ чаши – «жизненной чаши», «всей горечи людской», крестной муки, приобщение к которой таит,

Вечер

Далеко за рекой кто-то песню поет,
В этой песне тоска и печаль,
А задумчивый ветер ту песню несет
В серебристую, светлую даль.

Редко рыба всплеснется в вечерней тиши;
Пахнет свежестью, сеном с лугов,
И, в воде отражаясь, плывут камыши,
Наклонились цветы с берегов.

Показался и месяца рог золотой,
Огоньки заискрились в струях,
Потянулся туман белоснежной мечтой,
Бор шумит на прибрежных холмах.

Словно замерло все: уж давно замолчал
Одинокий певец за рекой,
Лишь ручей, по камням пробегаая, журчал,
Находя у залива покой.

В эту ясную ночь хорошо и тепло,
Даже ветер покорно притих.
Небо смотрится в чистое речки стекло
Отраженьем созвездий своих.

1926

Желание

Пусть, Боже, недолго мне жить,
Но эти последние годы
Хочу я Тебе посвятить.

В минуту душевной невзгоды
Тебе я молюсь, у Креста
Душевные черпаю силы.
И верую, что не мечта
В служенье Тебе до могилы
Надеяться правду найти.
Пусть зло надо мною смеется
На этом суровом пути, –
Слезы не первые льются:
Зло надо добром победить.

Любовь – это правда святая.
Дай силы врагов полюбить,
Завет Твой святой исполняя.

1923

Помоги

Я Тебя и умирая,
Мой Господь, благословлю,
Ты мне дал блаженство рая,
Радость подарил Твою.
Я спокойна – что мне надо?
Ничего я не ищу,
И Тебе, моя Отрада,
Дней остаток посвящу.
Я любви Твоей не стою
И завета не храню,
Только всей моей душою
На кресте Тебя люблю.
Вечно бы в груди носила
Красоту Твою с мольбой.
Помоги, чтоб и могила
Не закрыла образ Твой.

1931

однако, опасность во весь голос заявляющих о себе тщеславных помыслов: «И кажется, крест я несу за Тебя – // Тщеславие песни поет». В «овеществленном» образе поэтически увидено иногда и само богообщение, уподобленное «золотой молнии», устремленной к «Престолу всех Творца», «отблеску чудного венца», доходящему до земли из горнего мира: «В мир с чудным даром возвратилась – // С печатью вечного Креста» («Полночь», 1932).

Значительный корпус поэтических произведений Гримблит составляет пейзажно-философская лирика. Пейзажные образы, нередко живописующие родную для автора сибирскую природу, отражают душевные состояния лирической героини, ее религиозные поиски.

Созерцание природного мироздания перерастает у Гримблит в уединенное общение с ним, в «немую беседу сердца» – как в стихотворении «Песчаное озеро» (1928), где привычное самовыражение уступает место надсловесному душевному разговору («Лес осторожно шептал – // Шепот тот в сердце моем»), что виртуозно передается музыкальной насыщенностью стиха, его звуковой инструментальной основой на переключке сонорных звуков:

Блестки зарницы молодой,
 В озере лики омыв,
 Мчатся дорожкой лесной,
 Нежно сиянье разлив.
 Тонкой березы листы
 Братски с сосной обнялись, –
 Яркой родной красоты
 Не забывать поклялись.

Образы природы оседают подчас в сновидческих недрах сознания лирического «я» («Проснись», 1928), выводят к прозрению глубинной поврежденности личностного и окружающего бытия и в то же время приоткрывают надежду на прорыв к потаенной, недоступной «усталому глазу» и «воспаленному мозгу» красоте страдающей души и всего мироздания. Установление «детских», родственных отношений с тайгой, небом, звездами открывает для лирической героини путь к самопознанию и обретению Бога – в стихотворениях «Вот опять тоска немая...» (1928) и особенно «На лыжах» (1927), где пронзительная исповедь о своей судьбе, осмысление трагических коллизий русской истории, того, как «на святой Руси сжигали // Богу скорбное кадило», предстают в интерьере зимнего лесного пейзажа. Тревожное созерцание жизненного пути, мучительно прокладываемого вопреки власти стихий, увенчивается молитвенным обращением и умиротворяющим просветлением, собиранием растроченных сердечных сил:

Боже, пред судьбой печальной
 Нам терпение пошли Ты.

Скорбь минует, давши силы
 Душам, в муке закаленным,
 Чтоб служили до могилы
 Богу сердцем обновленным...

След недолго серебритя:
 Снег поспешно заметает, –
 А на душу мир ложится,
 Тихо дума отдыхает.

Силой духовного и творческого преодоления личных и исторических катастроф героиня Гримблит приобщается к целительным стихиям памяти и воображения. В стихотворениях «Дорогая картина» (1930), «Уральский

Тишина

Вижу тихий вечер
 Летнею порой.
 Веет теплый ветер
 Мягко надо мной.
 Шелестят березы,
 Шепчутся листы
 Про былые грезы,
 Сладкие мечты.
 Звездочки сияют
 Тихо и тепло,
 Душу мне ласкают,
 В сердце так легко.
 Далеко сомненья,
 Далеко печаль,
 Светлые виденья,
 Золотая даль.
 Думы полны мира,
 Как закат весной,
 Радостная лира,
 В сердце песни пой!
 Сердце, сохрани же,
 Мир тот и тогда,
 Когда будут ближе
 Горе и нужда.
 И в страданьях, в муке
 Душу согревай,
 Дорогие звуки
 Тихо напевай.

1926

У КРЕСТА

«Не отвержи мене от лица Твоего...»
 Умоляю, мой Бог справедливый:
 Успокой мое сердце: не жду ничего
 Я от жизни земной, прихотливой.
 Мне не радость сулит эта жизнь на земле,
 Я решила идти за Тобой,
 И в награду за то, что служу Красоте,
 Мир покроет меня клеветой.
 Но во имя Твое все готова терпеть,
 Пусть я только лишь горе найду.
 За Тебя, мой Господь, я хочу умереть,
 За Тебя на страданья пойду.
 Мир не понял меня, и над скорбью святой,
 Что в своей затаила груди,
 Посмеется шутя и, смеясь над Тобой,
 Приготовит мне крест впереди.
 Но готова служить всей душою Тебе,
 Пусть враги мне родные мои;
 Утиши мою скорбь, мир усталой душе
 Посылай в наши тяжкие дни.
 Пусть осудят меня, и не будет друзей,
 Я с Тобою останусь одна, —
 Только будь неразлучен с душою моей,
 Помоги выпить чашу до дна.
 Я отраду нашла у Креста Твоего,
 И уж в мире от мира ушла,
 Мой душевный покой отдала за Него,
 Много слез в тишине пролила.
 Не слезами, а кровью я раны Твои,
 Мой Спаситель, готова омыть.
 Я хочу, чтоб скорее настали те дни.
 Мне бы жизнь за Тебя положить.

1922

лес» (1932), «Старый друг» (1934) сбережение в глубинах душевного пространства образов овеянного Божественным присутствием природного мира служит залогом духовного устояния: «Усни же спокойно, тревожная дума, — // Природы картина всегда дорога: // Средь бешеной жизни московского шума // Мне тихо смеется родная тайга». Природа выступает хранительницей детских и юношеских переживаний героини, ее чутким собеседником, адресатом лирических посланий. В этих обращениях фольклорный колорит («гой вы, поле, леса и цветы...»), гиперболизированная песенно-былинная образность («Страданья великие землю сковали, // Над нею свой лик наклонили печали») оригинально сплавлены с исповедальным самовыражением:

И вам я опять, и леса, и поляны,
 Вручаю сердечные скорби и раны.

Все светлые думы и звуков рождение,
 Минуты покоя, души вдохновенье —
 Тебе на хранение, лес, поручу я:
 Упрячь их подальше, недоброе чужь.

В написанном в Вишерском лагере стихотворении «Двенадцать лет» (1932) творческое погружение в мир детских воспоминаний наполняет лирическое сознание интуициями о неслучайности и даже спасительности нынешнего тюремного поприща, ставшего Божественным ответом на давние молитвы о даровании Креста:

Всегда припадала к Кресту Твоему,
И Ты терпеливо внимал.
С семнадцати лет я узнала тюрьму,
Но волю Ты твердую дал...

На ниве тюремной тринадцатый год
Тебе добровольно служу.
Как юность, и молодость пусть протечет –
К ногам Твоим их положу.

Лирическое переживание в стихотворениях Гримблит объемлет и иные человеческие судьбы, присутствие другого страждущего «я» обогащает содержание поэтической мысли. Стихотворение «Вдали» (1926) представляет сюжетную зарисовку, в центр которой выдвинут объективированный, возвышающийся до архетипа женский образ. Горестное предстояние человеческой души Богу и Вселенной, соприкосновение с природной бесконечностью постигаются в образном мире произведения в качестве универсального закона бытия:

Вот созвездья заискрились,
Засияли в вышине, –
Слезы быстро покатались,
Что кипели в глубине,
Жгли всю душу... Зарыдала
И на камень вековой,
Застонав, в тоске упала,
Больно билась головой.

В стихотворении «Союзница» (1929) персональный мир прочерчен с большей социально-психологической определенностью. Родственная лирической героине судьба погибающей в тюрьме женщины-крестьянки, «скромная повесть» о ее жизни и предсмертных воспоминаниях отпечатываются в душевном мире лирического «я» («Ей все открывались // Деревня и начатый сруб... // Там дети остались, // Там муж, престарелый отец»), становятся предметом подлинно христианского постижения. Сердечное вживание в трагедию иной души приближает к победе над тюремным мраком и собственной безысходностью в мире, который отчаянному взору представляется «призраком пустым», где «так много... слито скорбей». В качестве смысловой параллели к «Союзнице» может быть прочитан

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Тринадцатый год я дорогой иду,
Уж виден конец впереди,
И чудится детство в приятном бреду
И все пережитые дни.
А детские годы веселой гурьбой
Мне сердце потешить хотят, –
Не только потешить, но чистой мольбой
И верой горячей звучат.
И в шалости детской веселой игрой
Я сердце унять не могла:
Тебя призывала невинной душой
И рано свой путь избрала.
Шестнадцати лет я молила тогда:
«О Боже, меня избери,
Возьми мои силы, пока молода,
Крестом за Тебя подари.
Пока еще чистое сердце мое
И мира не знает тревог,
Возьми, и устроишь в нем Царство Твое,
Тогда не приступит порок».
Всегда припадала к Кресту Твоему,
И Ты терпеливо внимал.
С семнадцати лет я узнала тюрьму,
Но волю Ты твердую дал.
В борьбе, искушеньях вся юность прошла,
Упреки и просьбы родных,
И много в те годы я слез пролила,
Но слов не забыла Твоих.
Ты милостив был и Своею рукой
Повел одиноким путем, –
Душа встрепенулась и сердцу покой
Стяжала в страданье своем.
На ниве тюремной тринадцатый год
Тебе добровольно служу;
Как юность, и молодость пусть протечет –
К ногам Твоим их положу.
Прими меня, Боже, на этом пути,
Последний этап предо мной:
Иду, мой Спаситель, помилуй, прости,
Мне в спутники Образ дай Твой.

Вишерский лагерь. Р.О.Э.
(рота опасного элемента).
1932

Безнощная

«Слава Тебе, показавшему Свет...»
 Возглас святой в алтаре, –
 Этим словам, так любимым, в ответ
 Дрогнуло сердце во мне.

Молча, с молитвой, встаю на колени
 Я пред Распятьем святым,
 Быстро скользят по лицу Его тени,
 Кажется мне Он живым.

Кажется мне, что уста дорогие
 Вымолвить слово хотят
 Или закрытые очи святые
 В душу с укором глядят.

Совесь сурово укор повторила,
 Глаз не могу я поднять,
 Страсти земные тревожные всплыли,
 Душу пустить не хотят.

«Боже мой, Боже, все сердце с Тобою!
 Славу Тебе не пою,
 Сжался, молю я, над грешной душою,
 Видишь Ты, слезы я лью.

Слезы те, Боже, – раскаянья слезы:
 Душу мою исцели,
 Ночью пошли Ты ей светлые грезы,
 Мир в мое сердце всели».

1921

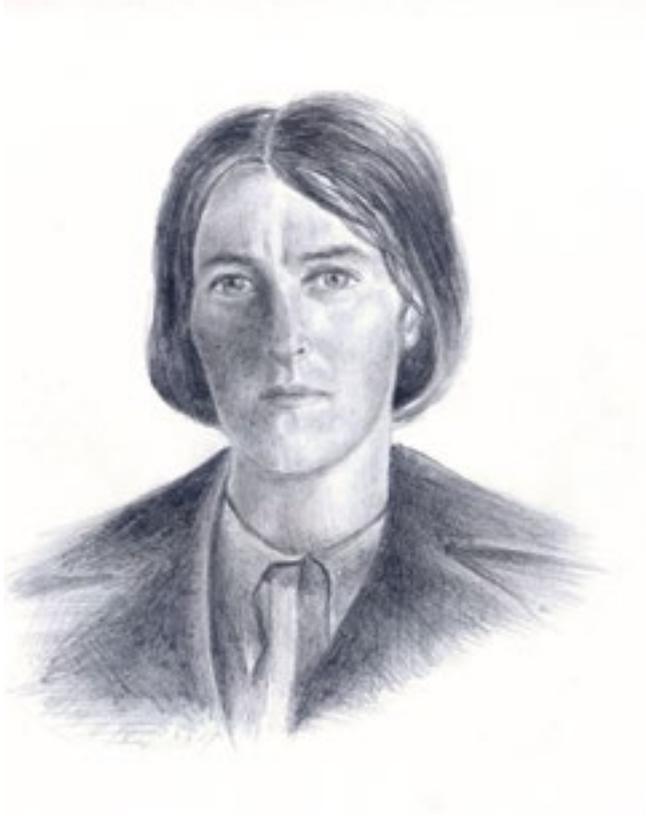
притчевый сюжет стихотворения «Цветок» (1933), где истощившийся «на давно сухих камнях» цветок воскресает к новой жизни от пролитой на него в сострадании слезы: «Лишь одна слеза скатилась – // И цветок затрепетал, // Снова жизнь в нем заструилась, // Снова солнце целовал».

Воплощение в поэтическом мире Гримблит другого «я» как ценностной величины привносит в исповедь героини черты диалога – с Богом, со своей совестью, опытом иных людей. В виде диалога-спора тоски и сердечной окрыленности построено стихотворение «Разговор» (1926). Напряженное прислушивание к своему внутреннему миру, наполняющим его голосам дарит лирическому «я» понимание мудрости Божественного Промысла, что передается мелодией стиха, музыкальными созвучиями поэтических строк:

Жадно внемлет душа, тайный голос зовет,
 И лампада у сердца горит, –
 Она мир и отраду вокруг себя льет,
 И мелодия тихо звенит.

В диалогическое соприкосновение вступают у Гримблит и различные этапы пройденного пути: детство, юность, тюремный опыт («Жизнь моя», 1927). В сквозных автобиографических мотивах, семейных воспоминаниях художественно приоткрывается онтологическая глубина человеческой судьбы. Прежнее удаление от игр и суеты, стремление к уединению и молитвенной сосредоточенности таинственным образом предвосхищали для героини будущие испытания, позволяли сберечь внутренние силы для христианского крестношения: «И теперь, в ночь темную, // Богу мысль отдам, // Всю тоску огромную // Положу к ногам».

Духовное самоисследование лирического «я» выводит в поэзии Гримблит к познанию лагерного быта и бытия – как «дна преступления и любви» («Лагерь», 1933), скрещения несхожих судеб, соприкосновения веры и отчаяния. Подобный ракурс видения мира и человеческой души воспринимается поэтом в качестве страшного, но необходимого и вразумляющего откровения: «Здесь все профессии скрестились – // И песней песнь, ума

экстракт, // Здесь и ругались, и молились, // И потрудились без наград».

Притчевое обобщение извечных коллизий духовной жизни достигается в стихотворении «Странник» (1926). Образы города, через который «незримо проходит... Христос позабытый», народа, тянущейся к Богу души приобретают здесь расширительный смысл и проецируются на реальность как отдельной судьбы, так и мировой истории, где бесчувственность к Божественному присутствию соседствует с молитвенной надеждой на Его помощь и врачевание: «Незримо проходит Спаситель, // Он с чистыми сердцем всегда, – // Но город, гордыней покрытый, // Его не заметил следа».

Стихотворения мц. Татьяны (Гримблит) – это поэзия духовного и нравственного сопротивления разрушительным стихиям исторического времени. Исповедальные мотивы, пейзажно-философская лирика соединяются в ее художественном мире с притчевыми образами, масштабными обобщениями о лагерном опыте многих современников, о теряющей и обретающей Бога человеческой душе.

Священник Илия Ничипоров
Рисунки Анны Фоминой

Доля

О душа, не скорби, не боли!
Знаю горькую долю мою;
Сердце, жажду свою утоли
В тех слезах, что я тайно пролью.

Не услышит никто, никогда
Наболевшего стона души,
Буду плакать я только тогда,
Когда ночь. Не заметят в тиши,

Как я Богу молюсь и скорблю,
Призывая напрасно друзей:
Далеко те, кого я люблю,
И не знают печали моей.

Пусть не знают — им легче теперь,
Не увидят решеток они,
И железом обитая дверь
Не закроет веселья огни.

Солнце шлет им горячий привет,
И весна рассыпает цветы, —
Для меня же той радости нет,
Угасают надежды, мечты.

Меня мрачные стены гнетут,
Одиночество душу томит,
По ночам мысли спать не дают,
Сердце бьется в груди и болит.

О душа, не скорби, не боли,
Знаю горькую долю мою.
Сердце, жажду свою утоли
В тех слезах, что я тайно пролью.

1923

ЗА БОГА НЕ ТОЛЬКО
В ТЮРЬМУ, ХОТЬ В
МОГИЛУ ПОЙДУ
С РАДОСТЬЮ...

Надежда

О надежда, луч небесный,
Чаще душу согревай,
Освещай мне в клетке тесной,
Жизнь и силы подавай,

Чтоб боролась терпеливо,
До победного конца,
Пусть иду я сиротливо
И не жду себе венца.

Мой венец – насмешки, злоба.
Пусть смеются надо мной!
Буду я служить до гроба
Правде, Истине святой.

1923

Дай

Не содеянное мною
Очи видели Твои,
Так покрой же глубиною
Нескончаемой любви
Против воли, что таится
Далеко на дне души.
Дай мне радостно молиться,
Все сомненья потуши.

Если видишь, что устанет
Сердце скорбь переносить,
Посмеется жизнь, обманет
И лукаво воскресит
Пережитые желанья,
На другой поманит путь,
Помоги нести страданья,
У Твоих ног отдохнуть.

Пусть вся молодость промчится:
Что пройдет, не повторить, –
Лишь бы мне везде молиться
И всегда Тебя любить.
Ты желание целуешь,
И, намеренье любя,
Верю, мир душе даруешь,
Дай же мне любить Тебя.

Рисунки Анастасии Барановой

Протоиерей Николай Ковальский (1895–1967)
освящает воду на Крещение во дворе Богоявленского храма г. Коломны.
Середина XX века

Церковная история Коломенской земли, богатая событиями и именами, связана, по-видимому, с самым началом русской государственности. Коломенская епархия, одна из старейших в стране, существовала с середины XIV века в течение 450 лет. Она была упразднена в 1799 году, а Коломна переведена в Московскую епархию.

В память о былом величии города архиепископ (митрополит) Московской епархии получил титул Московского и Коломенского, и только с середины XX века, в 1947 году, Патриарший Наместник стал именоваться митрополитом Крутицким и Коломенским.

КОЛОМНА И ЕЕ ДУХОВЕНСТВО

СЕМЬЯ ЛЕБЕДЕВЫХ

Жизнь православного духовенства дореволюционного и советского времени – почти неизученная область как отечественного, так и коломенского краеведения. Обычаи, уклад и нравы целого сословия, – почти искорененного за прошедшее столетие и возрожденного в нынешнем, – оказали большое влияние на русскую культуру, а значит, и на менталитет современных россиян. Каких имен тут только нет! Из самых известных – архитектор Василий Иванович Баженов, реформатор и законодатель Михаил Михайлович Сперанский, русский философ-материалист Николай Гаврилович Чернышевский, литературные критики Николай Александрович Добролюбов, Максим Алексеевич Антонович, писатель Николай Герасимович Помяловский, журналисты и публицисты Григорий Захарович Елисеев, Григорий Евлампиевич Благосветлов, первая женщина, удостоенная звания Героя Советского Союза, Зоя Космодемьянская, актер советского

театра и кино Евгений Алексеевич Лебедев... И, конечно же, тысячи обычных городских и сельских священнослужителей, а также монашествующих, к которым люди во все времена шли за утешением и свидетельством о существовании мира Вышнего. Из среды коломенского духовенства вышли такие известные общественные деятели, как святитель Филарет Московский, журналист и философ Никита Петрович Гиляров-Платонов, священномученик Григорий (епископ Шлиссельбургский)...

И если про епископов Коломенских, настоятелей монастырей и храмов города к настоящему времени что-то становится известным¹, то про жизнь рядового священства Коломны мы знаем очень мало². Поэтому, начиная с первого номера 2019 года, журнал «Апостол» будет публиковать материалы о жизни коломенского духовенства в надежде, что и читатели не останутся равнодушными к обозначенной теме.

¹ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей русской церкви. – СПб., 1877. Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. – М.: Александрия, 2001; прот. Сергей (Кулемзин). Коломенская епархия во второй половине XVIII века (<http://www.mepar.ru/library/vedomosti/68/1414/>); серия изданий «Монастыри и храмы Коломенской земли» (Старое Бобренево: Богородицерождественский мужской монастырь, 2016–2018 гг.) и др.

² Большим подспорьем краеведам стало издание мемуаров богослова, философа и журналиста Н. П. Гилярова-Платонова (1824–1887), сына священника Никитской церкви Коломны: *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. Автобиографические воспоминания <коломенские главы>. – Коломна: Лига, 2016. О жизни священства Коломны и Коломенского района см. в изданиях: *Собор Коломенских новомучеников.* – Старое Бобренево – Коломна: Лига, 2017; *Ярхо В. А. Поповская доля.* – Коломна: Лига, 2015; *Ярхо В. А. Храмы над Окой.* – Коломна: Лига, 2018.

В 2019 году исполнится 105 лет со дня упокоения одного из самых уважаемых коломенских священников – протоиерея **Алексия Михайловича Лебедева** (1843–1914). Женившийся на **Марии Федоровне Остроумовой** (1852–1885), дочери священника коломенского Брусенского монастыря **Федора Остроумова** (†1899), он прожил всю жизнь рядом с обителью, в сохранившемся до наших дней доме (ул. Лажечникова, 10), служа в клире Брусенского монастыря. В многодетной семье Лебедевых из 11 детей выжило 8: пятеро мальчиков стали священниками, две девочки – женами священнослужителей. Мать большого семейства умерла от пневмонии, когда младшей дочери было полтора года, и осиротевших детей помогали растить монахини Брусенского монастыря. Судьбы братьев и сестер Лебедевых в полной мере отразили трагедию, постигшую отечественное духовенство в XX веке.

Анна Лебедева (1869–1965), вышла замуж за **Полякова Федора Капитоновича** (†1906).

Виктор Лебедев (1874–1943), женатый на **Ольге Ивановне Знаменской** (†1942), служил священником в Никольском храме в Хамовниках.

Николай Лебедев (1875–1940), женатый на **Марии Александровне Доброхотовой**, был священником Петропавловского храма Коломны и погиб в сталинских лагерях.

Сергей Лебедев (1876–1946), женатый на **Марии Алексеевне Иоакимской** (†1949), выпускник Московской духовной семинарии, служил священником в московском храме на Грузинской улице.

Александр Лебедев (1878–1937) закончил Коломенское духовное училище, Московскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию. В 1921 году принял монашеский постриг с именем **Григорий**, стал **епископом Шлиссельбургским** и наместником **Александро-Невской Лавры** (1823–1928). Был трижды арестован, расстрелян. Русской Православной Церковью в 2005 году причислен к лику святых.

Семья Лебедевых. 1897 г. Слева направо: Александр (будущий епископ Шлиссельбургский Григорий), Вера, Виктор, протоиерей Алексей, Елена, Николай, Сергей

Мария Федоровна Лебедева (Остроумова)

Николай и Мария Лебедевы

Вера Лебедева (1880–1972) закончила московское Мариинское епархиальное училище, была женой протоиерея **Иоанна Михайловича Смирнова** (1879–1937), профессора Московской духовной академии. Он был расстрелян в Бутове. Русской Православной Церковью в 2000 году причислен к лику святых.

Константин Лебедев (1882–1966) закончил Московскую духовную семинарию, Московскую духовную академию, был митрофорным протоиереем. Служил в храмах Нижнего Новгорода, Москвы и Подмоскovie. Был женат на **Людмиле Алексеевне Пировской** (1883–1948). Первый биограф брата Александра.

Елена Лебедева (1884–1948) закончила московское Мариинское епархиальное училище, была женой священника **Василия Ивановича Мансветова**.

Подготовила Анна Индзинская

Ниже мы публикуем уникальный исторический материал из архива семьи священника Константина Алексеевича Лебедева. Это письмо паломниц со Святой Земли 1884 года, адресованное протоиерею Алексею Михайловичу Лебедеву. Первая публикация документа – Л. В. Сурова «Дорогою небес. Паломничество по святым местам» (М.: Храм Свт. Иоанна Златоуста Московской епархии, 2008).

Вера и Иоанн Смирновы

Людмила и Константин Лебедевы

Предисловие

Материал, который мы предлагаем нашим читателям, по сути, является уникальным архивным документом. Это подлинное письмо, отправленное из Иерусалима в Коломну монахиней Коломенского Успенского девичьего монастыря Анатолией Гусевой 12 февраля 1884 года. Письмо адресовано священнику Коломенской епархии Алексею Михайловичу Лебедеву, отцу четырех будущих священников, один из которых, епископ Шлиссельбургский Григорий, был прославлен русской Православной Церковью как новомученик.

Письмо обширно и, видимо, писалось не за один раз, оно передает впечатления русских паломников, находящихся в Иерусалиме. Описаны и само морское путешествие, и жизнь в Палестине, и посещение многих святых мест Палестины.

Письмо написано с отчетной точностью и представляет собой личное и одновременно историческое свидетельство времени. Прежде всего – это документ истории Церкви, ее литургической и канонической жизни; мы узнаем, кто и как служили в храме Гроба Господня, в чем была особенность архиерейских хиротоний в Иерусалимской церкви. Знакомимся и с самой организацией паломнических поездок, с жизнью и бытом паломников. Отражены в документе и более тонкие политические характеристики эпохи, отношения мусульманских властей к христианским паломникам, участие русских князей в устройстве паломнических поездок и миссий и пр. Есть здесь и уникальные свидетельства взаимоотношений русских и иерусалимских христиан, паствы, архиереев, монашествующих. Все описанные события и факты удивительно непротиворечивы и не только дополняют страницы истории Православной Церкви, но дают почувствовать время, дух эпохи.

Но любое письмо еще и рассказывает о том, кто его написал, через внутреннюю характеристику личности нам также открывается картина времени. Письмо паломницы поражает. Мы ощущаем, что восприятие автора свободно от психологического гнета: пишущий

Протоиерей Алексей Михайлович Лебедев

действительно видит жизнь вокруг, а не свое отношение к жизни. Монашество любит скрывать себя, не психологическая, а духовная сила и свобода насыщают его радостью. Именно эта скрытность, скромность автора и дает нам возможность видеть явление не глазами автора, а как бы самостоятельно. Хотя нельзя не удивиться, сколь внимателен, строг и целомудрен этот взгляд, ничего праздного и никакого осуждения, хотя трудностей в поездке было, как видно, немало. Рассказывается только о существенном, значимом, мы видим, что все чувства автора подчинены этой высокой чести – пройти дорогой святых, соприкоснуться с величайшими святынями мира. Перед нами цельная незаурядная личность, горящая верой и весь мир воспринимающая в свете этой веры. Простота и одновременно тонкость восприятия, характерная для русского народа, столь восхищавшая многих русских писателей: Пушкина, Тургенева, Толстого – вот что откроется внимательному читателю.

Несколько слов о языке письма. Он погружает нас в среду не простонародного, а народного языка среднерусского города конца XIX века; языка, не слишком скованного рамками грамматических норм и одновременно тонко сплетенного с церковной лексикой и старославянской ритмикой. Это талантливый образец устной народной речи, живо и точно организованной. И славянизмы, и церковнославянские выражения не утяжеляют ее. Народ псалтирь знал, а монахи – тем более. Образы этой главной поэтической книги Церкви сопровождали восприятие людей, выныривали навстречу жизни, показывая ее как бы на вечном, золотом фоне священной Книги песен. Это не цитирование, которое принято у нас, не доказательство правоты своей мысли, а первородный духовный образ, к которому с доверием прибегало сердце.

Поражает ритмическая свобода этой речи, способная сопрячь и архаические грамматические формы, и современные. Слово здесь устремлено к свидетельству, к выявлению главного, нет никакого празднословия, никакой игры звуков, все просто, сокровенно – тем и растет живая форма.

Но для некнижной, естественно текущей речи характерны иногда длинные несогласованные перечисления с повторами наиболее

значимых слов, с разворачиванием фразы в образ постепенно, толчками. Такую речь трудно ограничить, где конец предложения? Оно заканчивается там, где заканчивается дыхание.

Народное письмо почти всегда характеризовалось отсутствием знаков препинания. Особенностью его было еще и слитное написание предлогов и союзов. Для современного читателя это совершенно непривычно и трудно для восприятия. Поэтому мы публикуем этот документ в русской орфографии, но не меняем лексики и не нарушаем порядка слов в предложении. Соборным редакторским решением мы расставили знаки препинания и разбили текст на абзацы. Орфографические ошибки исправлены, но сохранены некоторые разговорные грамматические формы, которые держат ритмический строй этой живой речи. Прописные буквы внутри предложения в основном сохранены, в соответствии с оригиналом. Редакторские вставки, помогающие правильному уяснению смысла, даны в скобках, они немногочисленны.

Мы приносим свою благодарность наследникам, сохранившим этот документ, и И. С. Лебедевой, предоставившей нам материалы из семейного архива.

Людмила Сурова

Брусенский монастырь. До 1917 года

Письмо монахини Коломенского Успенского девичьего монастыря Анатолии Гусевой из Святой земли к священнику Алексею Михайловичу Лебедеву

Ваше благословение, неоцененный батюшка, отец Алексей Михайлович!

Во-первых, мы у вас просим Вашего благословения и святых молитв, многогрешные монахини Анатолия и Еремения, и притом засвидетельствуем вам по нижайшему поклону, и дорогой Вашей матушке Марии Федоровне, и милым вашим деточкам по нижайшему поклону. И мы, грешные, приносим свои молитвы у Живоносного Гроба Господнего за ваше здоровье, и на божественной Голгофе, и на всех святых местах.

И о себе мы вас, дорогой батюшка, уведомляем, что мы, слава Богу, доехали до святого Града Божия Иерусалима благополучно, за ваши святые молитвы. Морями проехали благополучно, немного была качка только. Была качка на Мраморном море, меня тоже потопило, испытала морские путешествия и болезни, но Господь подкрепил нас Своей милостью. Только мы приехали в Яффу, на последнюю пристань, нас встречали со звоном, и весь город выходил народ на берег всех поклонников встречать. Как мы переезжали с парохода на баркасах, было очень страшно, стали подъезжать к берегу, нас волна покрыла, всех нас

намочила, и все наши вещи перемочила. Чуть не утонули, верно, Господь нас спас за молитвы ваши, батюшка, и за матушкины игуменьи молитвы и за всех монашествующих наших сестер. Всех духовно благодарим со слезами, и всех поминаем во святом граде Божьем Иерусалиме, у Живоносного Гроба Господнего.

Мы приехали во святой Иерусалим января 4 числа. Только очень жалко, не успели на святой Иордан. Мы приехали, а все уехали из Иерусалима на Иордан, и духовенство, и народ. Да еще же мы мокрые все, обсушивались. Но только нас Господь утешил, мы были на водоосвящении в великой церкви. Сам блаженнейший Патриарх Никодим освящал воду, и мы получили от его освящения богоявленской воды, и сам служил Божественную Литургию в первый раз по приезде во святой Иерусалим, был очень болен, даже не был на Иордани.

И после Крещения 8 числа пошел снег и дождик сильный, и холод. И сейчас все дождик сильный целый месяц продолжается, даже нет выхода никуда. Очень скучаем по дождевой погоде. Иерусалимские жители даже не припомнят такой погоды ненастной, и говорят, что русские с собою российскую зиму привезли нам.

Вид на город Иерусалим с Масличной (Елеонской) горы

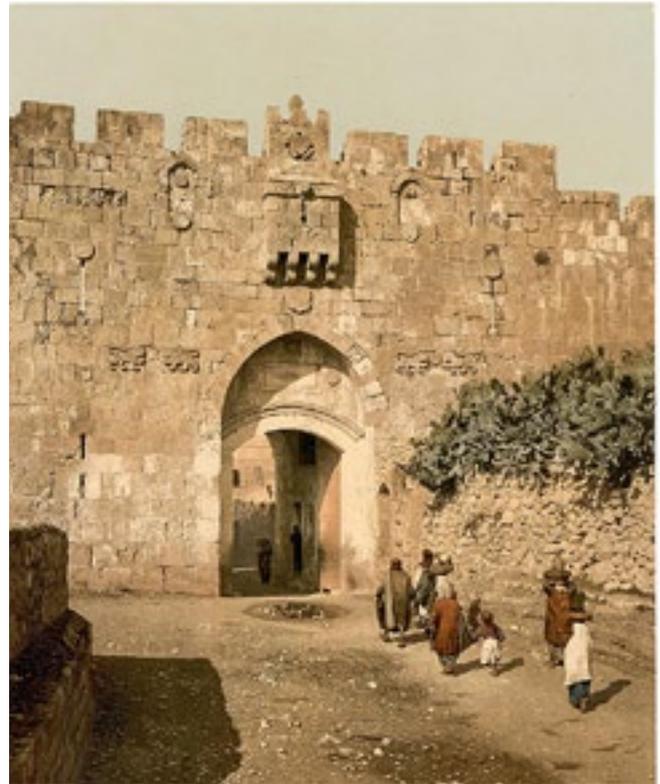

Дорогой батюшка Алексей Михайлович, вот вам мы скажем о себе, что Господь Бог нас грешных удостоил по своей великой милости быть во святом Граде Божиим Иерусалиме у Живоносного Гроба Господнего и на Божественной Голгофе, и на всех святых местах, где Господь Бог страдал за нас грешных и пролил свою Божественную драгоценную Кровь. Всех святых мест и описать невозможно, что наши грешные глаза видят. Члены содрогаются, если будет Господу угодно нам грешным возвратиться в свою святую обитель и вам передать о святых местах из грешных наших уст.

Да еще я вам, дорогой батюшка, скажу первое – мы выехали из Одессы на хорошем пароходе в четыре часа вечера в ночь 22 числа декабря, за три дня Рождества Христова. Наши паспорта долго были у одесского Губернатора, потом у турецкого Канцлера. Мы жили в Одессе 10 дней еще, дождалась парохода, поехали по Черному морю. Очень было страшно, но качки мало было, благополучно. Как выехали на середину, только небо да море, больше ничего не видать, вода черная, я все глядела.

Потом мы приехали 24 числа в Константинополь накануне Рождества Христова. Поутру в 8 часов мы отправились на лодке в город на Пантелеимоновское подворье, но долго мы не были там, потому что был сильный дождик и грязь. Да еще же пароход долго не стоял, только один день. Мы никуда не ходили по святым местам. Да еще турецкий султан положил пошлину по два рубля серебром с каждого поклонника, все и не остались поклонники в Константинополе, и мы также не остались.

Потом поехали опять в ночь по Мраморному морю, вода серая с зеленою, дивны дела, Богом сотворенные! Пошли по сторонам горы высокие, даже облака ниже ходят. Видели снеговые горы. Еще видели Мирликийские горы, где угодник Божий Николай Чудотворец ходил или пребывал. Потом пошли города разные турецкие на краях морских. Всех городов не припомню названия. Но только я еще была в городе Смирне, ездили на лодке с поклонниками, ходили по святым местам, были провожатые, нам рассказывали. Были в двух церквях, богатые церкви украшением, там оставил Евангелие Иоанн Богослов, мы к нему прикладывались. Нам сказывали, что католики давали

Львиные ворота

полтора миллиона золотых за святое Евангелие, греки его не продали им. И еще много святых мощей, мы тоже прикладывались. Были в пещере глубоко, Божьей Матери икона явилась там, водица святая капает, я взяла святой водицы из пещеры. Проводнику заплатили, город очень хороший, ряды и магазины богатые. Потом опять отправились на пароход.

Поехали морем, называется Архипелаг, вода очень зеленого цвета, дивная. Пошли горы снеговые высокие, точно под небеса. Еще города Азиатские видели, где (в) прежние времена мучеников мучили и с крепости бросали на съедение зверям. Очень высокие все, стали в разрушение приходить. И логовища звериные в горах видны, мы с парохода видели.

Еще мы поехали последним морем Средиземным, вода синяя, очень волнистая, была целую ночь качка, нас потешило. Плыли мы мимо города Берюта (Бейрута) где великомученик Георгий избавил царскую дочь от съедения змея, даже видно с парохода это место. Мы туда не ездили, потому что был дождик и гром. Мужчины поклонники ездили на лодках, а женский пол не поехали, и мы не поехали, с мужчинами не сойдешь, они очень скоро ходят. Но только мы покупали свежую рыбу,

уху варили, да ели. Рыба очень дешевая и сладкая, у нас такой в России нету, точно стерлядь. Еще мы видели с парохода место знаменитое, где Иону пророка выкинула Кит-рыба на берег. На этом месте виднеется каменный белый столбик, с парохода кажется близко, но нам сказали, что верст десять. И живут там, в горах, бедуины, и никто туда не поехал. Потом доехали до последней пристани в город Яффу. Я вперед описала, как переезжали в Яффе. Но как приехали в город Яффу, чаю напились и закусили. Паспорта отдали канцлеру Яффскому, наняли фургоны тройкой, в ночь поехали.

Ехали Яффскими садами. Дорогой мой батюшка, какие сады, точно рай Господень. Апельсинные и лимонные деревья, листов столько нету, сколько апельсинов висят на деревьях, и сады не загорожены. Этих садов не менее верст на десять, уже не постигнет смысл описать красоты сих садов. А продают апельсины на 10 копеек серебра два десятка, очень дешевые.

Потом мы доехали до города Рамле (Рамы), где жил Иосиф с Никодимом, которые Господа похоронили. В городе в этом мы пили чай, есть устроенная гостиница, нашими Великими князьями русскими. Очень город ветхий,

здания в развалинах. Потом мы опять поехали в ночь горами высокими. Очень место страшное, но только все устроено нашими великими благодетелями царями. Дороги каменные как шоссе с оборотами по горам высоким. Потом мы проезжали село Латрунь, где жил благо-разумный разбойник, который сказал: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». Еще неподалеку деревня разрушенная другого разбойника, тоже мимо проехали. Еще проехали мимо места Эммаус, где Апостол и Клеопа Господа звали ночевать. Там церковь есть в горе, только заведывают католики, туда никого не пускают, мы мимо проехали. Я все удивлялась на постройку домов и церквей.

Потом мы подъехали к горе Иудейской, где Великие князья наши российские тоже слезали с экипажа и пешком шли, и взошедши на сию Святую гору, молились в землю, то есть началась святая земля Иерусалимская. Так же и мы грешные, подъехали к сей святой горе Иудейской, все поклонники слезли со своих фургонов, начали со слезами молиться Господу Богу и землю и камушки целовать, кто как мог. И молятся, и плачут от радости, что Господь удостоил вступить на Святую землю нам грешным грешными ногами.

Вид на город Иерусалим с горы Скопус

Храм Гроба Господня

Гора очень высокая, мы на нее взошли и увидели святой град Царя великого, Иерусалим. И описать не могу замирание сердца и радости, и слез. Потом мы опять сели на свои фургоны и доехали до русской постройки, на гостинице остановились. Дали (нам) помещения, но только нас в номере находится десять человек, кровати железные у каждой у (из) нас. Очень поклонников много, наехали тысячи, и тесненько, и очень сыро в номерах, потому (что) печей нету. А время стоит дождевое и холодное, обогреться негде и обсушиться тоже негде, нужду большую терпим, даже и выйти нельзя от сырости.

Приехавши мы на место, вот дали нам отдохнуть, потом нас всех новых поклонников повели на патриаршую (службу) для умовения мужчинам ног, а нам, женскому полу – умовения рук. С пением и со свечами, пели по-гречески «вечери тайныя», потом окропили ароматами нас всех и повели нас в Святейший Синод. Мы получили от Петра, святого митрополита,

рукописания о прощении грехов, и у всех святейших митрополитов и у архиереев получали благословения и поздравления с благополучным пребыванием (преодолением) дальнего морского пути, очень чувствительно, более невозможно быть.

Позвали нас всех записаться на разрешительную Литургию, кто сколько может (с)только и пожертвовать по силе.

Записали и потом повели нас на угощение по-гречески, на кофей и за светлую трапезу. По преданию, как Господь с апостолами трапезовал, так и нас угощали сыром, маслинами, кашницей, инжиром, сладким потом виноградным вином. После обеда дали 2 часа отдыха, в три часа повели нас поклонников всех ко Гробу Живоносному ночевать.

Пришедше во святой храм мы со слезами, что увидели непостижимое божество (божественное место). Архимандрит отец Ефимий оделся в облачение, и дьякона тоже в облачении, и греки певчие. Взявши крест Архимандрит и дьякона кадила, раздали нам зажженные свечи, отслужили молебен у Живоносного Гроба о благополучном путешествии, о здравии поклонников.

Потом нам сказал речь отец Архимандрит. «Благочестивые поклонники, вы, приившие дальний путь морской из любви Господа, (чтобы) поклониться Живоносному Гробу Господнему и Божественной Голгофе и всем святым местам, где Господь совершил свое страдание за нас, грешных, пролил свою драгоценную кровь, – припадите к сим священным местам со слезами, целуйте, счастливые вы поклонники, что ваши очи видят, имейте горячее усердие ко святым местам». И на каждом святом месте читал Евангелие отец Архимандрит по-русски. Нас водили с крестным ходом, с пением, и кадили нас дьякона кадилами с ароматами. Обвели нас по святым местам, потом опять нам была речь очень чувствительная, всего не опишешь.

Началась вечерня на Голгофе, в одиннадцатом часу ночи началась заутреня, в два часа была Божественная Литургия разрешительная, за поклонников, о здравии. Служил митрополит Петр, святой по благодати, еще два архиерея, два архимандрита – такая была служба! Какие читали молитвы о прощении

грехов наших! Митрополит Петр святой читал, на коленочках стоял молитву разрешительную, со святыми дарами, державши сосуд в руках. Истинно волосы станут дыбом, будь сердце каменное, содрогнется от умиления святых молитв. После обедни нас опять повели на угощение, пить кофей по-гречески. Потом и отпустили нас домой, по местам, где кто живет во святом храме.

Скажу Вам, дорогой батюшка, Алексей Михайлович, сколько святых мест во святом Храме. Нас водили: первое – Живоносный Гроб Господень, второе – Божественная Голгофа, третье – большой камень, на котором помазывали тело Господне по снятии с креста ароматами. Камень сей красными жилами. Четвертое место – где Матерь Божья стояла, глядела на помазание тела Господнего, горько плакала. Еще пятое место, где Мария Магдалина Господа узрела, сочла вертоградарем, (а) Он сказал – не прикасайся! Шестое место – толстая колонна, к которой был привязан Господь и был ударяем тростью по Божественной Главе. Седьмое место – еще низкая колонна, на которой Господу надевали терновый венец и поругались над ним. Его посадили на сей столб. Осьмое место – каменные колоды, в которых были ножки забиты страдальца Господа нашего, девятое место – где Божья Матерь стояла и горько плакала, как Господа готовили на распятие. Десятое место – где ризы делили, металы жребий, одиннадцатое место – где Лонгин-сотник увидел трус, поверовал в Господа. Двенадцатое место – обретение царицей Еленой Крест Господень. Неподалеку еще есть место, где крест положили на мертвого, он ожил – тут и поверовали, что истинный Крест Господень. Тринадцатое место – среди самого храма Воскресения Господнего, пуп земли, где Господь сошел во ад по воскресении, и сказано, что «посреде земли соделал спасение». Четырнадцатое место – Ангел Господень отвалил камень от дверей Гроба Господнего. Пятнадцатое место – под Голгофой, где камень расселся над главой Адама от крови Господней. В маленькое окошечко видно, как камень обогрен кровью Господней. И еще на Божественной Голгофе тоже камень треснул от Пречистой Крови Господней. И еще, где был крест водружен в гору Голгофу, тут обложено серебром. Ко всем

Убранство Храма Гроба Господня

святым местам мы, грешные, прикладываемся. И еще много святых мест, и описать невозможно. И еще, где колонны мраморные треснули от благодатного огня. И еще, если будет Богу угодно, при свидании все расскажу, что видели грешными глазами я.

Но еще скажу вам, батюшка, что мы были с Ермеонией у святого блаженнейшего Патриарха Никодима в гостях, на благословении. Он нас очень радушно принял к себе, и посадил нас рядом с собою, и угощал по-гречески, по рюмке воды с вареным, потом кофеем. И очень нас обласкал, изволил сказать, что мы – «милые российские поклонники» и очень плакал, и сказал: «Я святой Россией очень доволен, и мила мне Россия, никогда не забуду». Слезно вспоминал нашу Россию, и с нами долго разговаривал, и опять нас к себе приглашал. Сказал нам блаженнейший: «Ходите ко мне как к отцу, без стеснения, я всегда рад вас принять».

И обещал с нами послать святую икону Успения Божией Матери в нашу обитель, в новый храм «На память от Иерусалимского патриарха Никодима в честь вашей святой обители».

«Я уважаю вашу древнюю обитель и вашу старицу игуменью», – изволил сказать блаженнейший патриарх. И сказал, что: «Я очень коротко знаю вашу игуменью, и мне передавал о вашей обители и о новом храме, (о) обновлении преосвященнейший митрополит Иоаникий, и о вашем благодетеле храмоздатель Фроле Яковлевиче Ермакове, да будет на нем Божье благословение. И над вашей святой обителью да будет Божье благословение и мое, блаженнейшее», – сказал патриарх.

Да еще мы ему привезли подарок от матушки игуменьи Серафимы Московской, пять ковров, орлы вышитые очень хорошие по канве. Да еще письмо она написала блаженнейшему патриарху. Он принял и подарок, и письмо от матушки игуменьи Серафимы, с утешением начал ее письмо читать. Читает и благословляет письмо, и горько заплакал, и сказал в слезах: «Благодарю ее за память». Также мы еще ему подали пакет от нашей матушки игуменьи Ангелины. Тоже с любовью принял, и читал, и благословлял пакет, и сказал: «Благодарю за память, а вас благодарю, что потрудились, привезли посылки мои, я очень доволен за память игумений». И мы от него пошли с утешением и с благословением его блаженства.

Вот, дорогой наш батюшка, я вас обо всем уведомила, что с нами было, какие события. Да еще вам от радости скажу, что мы ходили в Гефсиманию к Матери Божией Успения, к Царице Небесной на Ее Божественный гроб и святых Ее родителей Акима и Анны, были два раза, прикладывались. И были в Гефсиманском саду, где Господь о чаше молился. Прикладывались к самому этому месту, где катил пот кровавый на землю. Колонна каменная и с красными пятнами, точно только что на ней засохли, и древние восемь маслин дерев сейчас растут, очень толстые и корявые. Да еще мы прикладывались, где Апостолы спали на камнях, так и видно, означено, где лежали, где голы, и бочка, и ручки – большие камни.

И еще были в пещере, где Апостолы спрятались страха ради иудейского, и еще мы прикладывались к камню, где Господь садился на жребяти осла с камня, и еще видели камень, где Матерь Божия Успения явилась Фоме Апостолу, подала пояс. Камень сей в саду у католиков. И еще Матерь Божья стояла на том камушке, смотрела, как побивают камнями архидьякона Стефана. Мы прикладывались к сему камню, камень дивный, тоже кровавыми пятнышками.

Вид на Масличную гору и Гефсиманский сад

Потом пошли через Кедронский поток, где Господа сснули с моста падением со крестом. Он упал на камень, так на камушке и вылегла коленочка и обе ручки, мы со слезами прикладывались. Дальше пошли к Силуамской купели, где Господь слепого исцелил. Мы в Силуамской купели купались, вода очень легкая. Еще дальше пошли на источник Матери Божией, где она себе воду черпала. Там мы умывались водою, вода очень теплая. Зашли к дереву, где Исайя пророк, деревянной пилой его распилили там. Мы к дереву прикладывались (и) еще дальше пошли.

Еще, дорогой батюшка Алексей Михайлович, потом мы пошли на источник Иаковль, пили воду и умылись. Оттуда пошли мы на село скудельниче, где погребение странных, но сейчас не хоронят. Там очень пещер много, полных костей человеческих. Еще есть разваленный дом, сонмище иудейское, где совет был с Иудой. Господа продал за тридцать сребреников, потом прибежал Иуда, тут же бросил им сребреники, (по)шел и удавился. Дерево видели издали, к нему мы не подходили, дерево сухое и корявое.

Еще мы были на святом Сионе, где дом Иоанна Богослова, дали туркам по две парочки с

человека, нам отпирали дом Иоанна Богослова, где была Тайная вечеря, где Господь с Апостолами вечерял и умывал им ноги, и где жила Божья Матерь. И там есть два гроба, один царя Давида, а другой – царя Соломона. И еще где Петр апостол отрекся от Господа, и ушел в ров, плакал горько, и еще темница, где Господа стерегли, со двора Каиафы. Его взяли католики, заведывают сим местом, но поклонников пускают прикладываться, мы были на этих святых местах.

Еще шли Страстной улицей, прикладывались к колонне, где Господь упал с крестом, у него взял понести крест Симон Киринейский. Еще к месту прикладывались, где подала полотенце Вероника утереть страдальцу Господу кровь и пот. Еще заходили в дом Акима и Анны, где родилась Божья Матерь, (им) заведывают католики, пускают поклонников.

Еще всех святых мест не опишешь. И еще скажу, что был день ведренный, мы собрались и пошли погулять вокруг всего Иерусалима, за крепостью ходили, как сказано в Святом Писании «обойдите Сион и обымите его, да созиждутся стены Иерусалимские». Еще есть древность остальных (остаток) стен Иерусалимских.

Более писать не могу, устала. За сим письмом остаемся Бога моляще за вас во святом граде Иерусалиме многогрешные монахи Анатолия и Ермеония. От души Вам, дорогой батюшка Алексей Михайлович с вашей матушкой Марией Федоровной и с деточками, в ножки кланяемся, и благословенную Вашу ручку с духовной любовью целуем и заочно прощаемся в день прощального дня, и просим Ваших святых молитв. У престола Господнего помяните нас грешных, а мы Вас обязаны помянуть у Живоносного Гроба Господнего. И мы Вам желаем дожидаться Светлого Христова Воскресенья в добром здравии и в духовной радости и нас воспомяните во святой обители.

Дорогой батюшка, просим вас Бога ради, по получении сего нашего письма уведомите нас письмом о своем здоровье, и о нашей святой обители, и о наших монахинях, кто жив или кто помер из моих знакомых. Вот вам адрес мой, куда писать за границу во святой град Иерусалим – Его Высокопреподобию Гробовому архимандриту Ефимию с передачей Московской губернии города Коломны Успенского девичьего монастыря монахине Анатолии Гусевой.

Арка «Эссе Хомо»

Если можно, дорогой батюшка, пришлите нам письмецо обрадовать нас на дальней стороне. Да еще я вас прошу, неоцененный добрейший батюшка Алексей Михайлович, передайте от нас нижайший поклон отцу дьякону нашему и причетнику Петру Гавриловичу, желаем им от Господа Бога доброго здравия и всякого благополучия, и поминаем их у Живоносного Гроба Господнего на молитвах. И еще передайте от меня нижайшее почтение при свидании Константину Иванычу Муравлеву и Александру Ивановичу и Матроне Васильевне, Дмитрию Иванычу с Анной Ивановной. От души кланяюсь всем и всех поминаю во святом граде Божьем во Иерусалиме и у Живоносного Гроба Господнего и на Божественной Голгофе о здравии.

И еще от меня нижайший поклон посылаю Марии Ивановне с Микитой Васильичем и с ихними детьми, от души кланяюсь и всех помню и поминаю на святых местах о здравии. Еще посылаю нижайший поклон, передайте от меня при свидании Ивану Абрамычу с Анной Гавриловной, Пивоварову Дмитрию Емельяновичу с Марией Ивановной и с детьми ихними, я им до земли от души кланяюсь,

и всех вспоминаю во святом граде Божьем Иерусалиме у Живоносного Гроба Господня, и на Божественной Голгофе и за них молюсь на святых местах.

Обо мне им скажите, что я пока, слава Богу, жива и здорова. Но только в Иерусалиме сильный дождь каждый день и холод. Пошел дождик 8 числа января и сейчас все идет сильный дождик, выходу нету никуда, очень скучаем серой погодой, обсушиться негде.

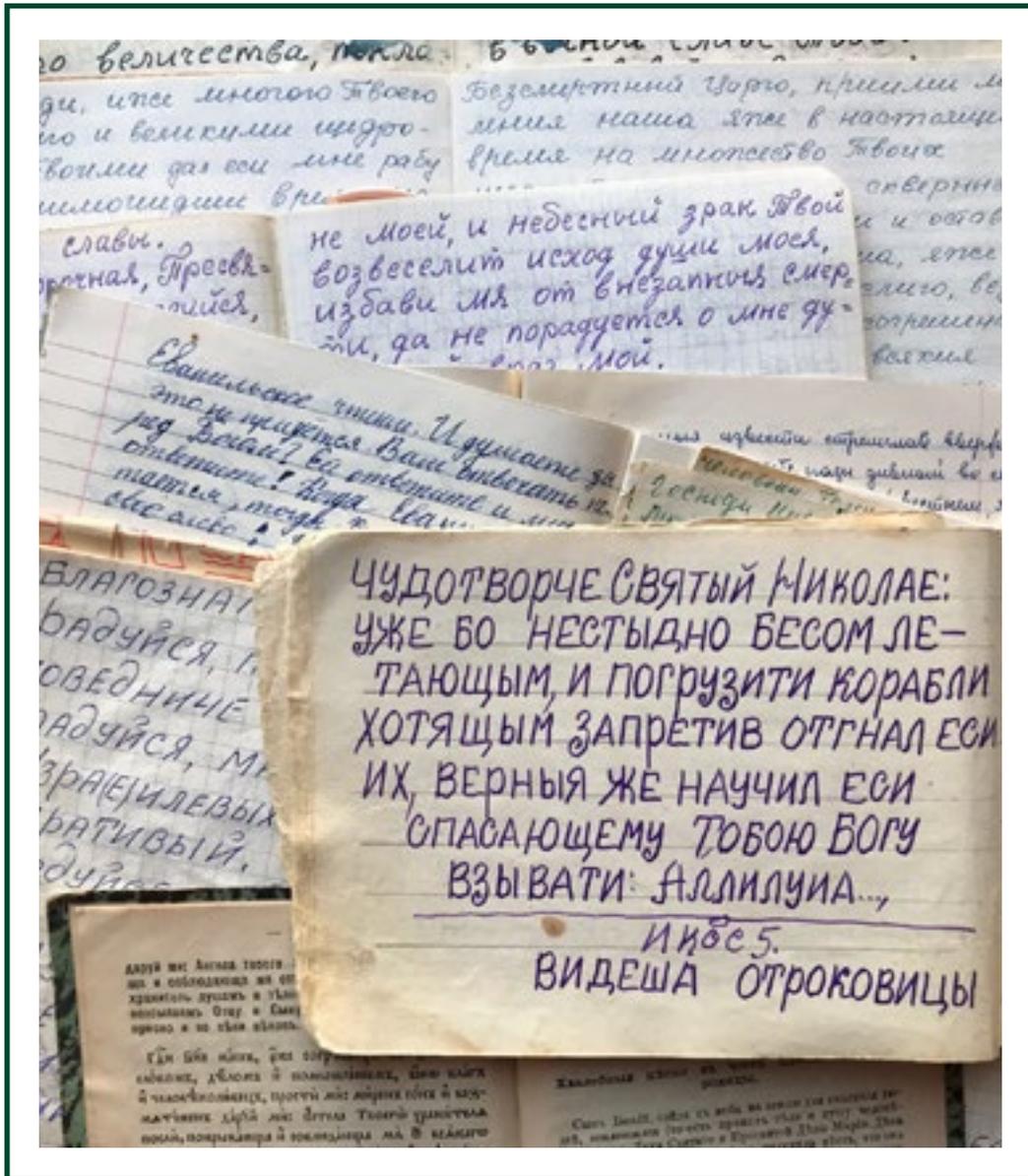
Еще передайте Ивану Абрамычу, я ему пришлю письмо, что отца архимандрита Спиридония посвятили в сан архиерея на Фавор Горе. Вначальники (вначале) новый Патриарх Никодим при нас троих посвятил в сан архиереев. На разные места (поставляли), мы все видели, постановления архиерейские. Отца Спиридония постановляли в сан архиерея февраля 12 числа, то есть в воскресенье.

Еще от меня нижайший поклон Надежде Тарасьевне Головиновой. Затем остаемся многогрешные монахини Анатолия и Ермеония, просим ваших святых молитв, простите, дорогой батюшка, и благословите.

В оформлении использованы открытки конца XIX века

Иосафатова долина

КУЛЬТУРНОЕ ПОПРИЩЕ

Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Московской области Алексей Алексеевич Трушин в своем информационном докладе за 1956 год¹ отмечал: «Московская патриархия в лице управляющего московской епархией митрополита Николая (Ярушевича) и архимандрита Макария в течение 1956 года принимала все меры для укрепления церковной обстановки в г. Москве и области».

О положении дел в Коломенском районе Трушин писал следующее: «В 1956 году служители культа и церковники пытались активизировать церковную деятельность по разным направлениям и расширить свое влияние на население. Например, значительно активизировалась деятельность церкви в г. Коломне. Ее настоятель протоиерей Ковальский чаще стал выступать с проповедями, в которых призывает верующих не забывать церковь. Им создан был дополнительный хор певчих из девочек школьного возраста. Увеличен штат служителей культа, которых протоиерей Ковальский обязывает чаще практиковать выезды для исполнения треб на дому у верующих. Отремонтировали здание церкви и оборудовали отдельную крестильню. По некоторым сведениям известно, что в настоящее время значительно увеличилось посещение храма как в «простые» дни, так и в дни религиозных праздников. Больше стали исполнять религиозных обрядов крещения. Во втором полугодии прошлого 1956 года отмечены несколько случаев крещения взрослых, чего раньше не наблюдалось»².

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 41.

² Там же.

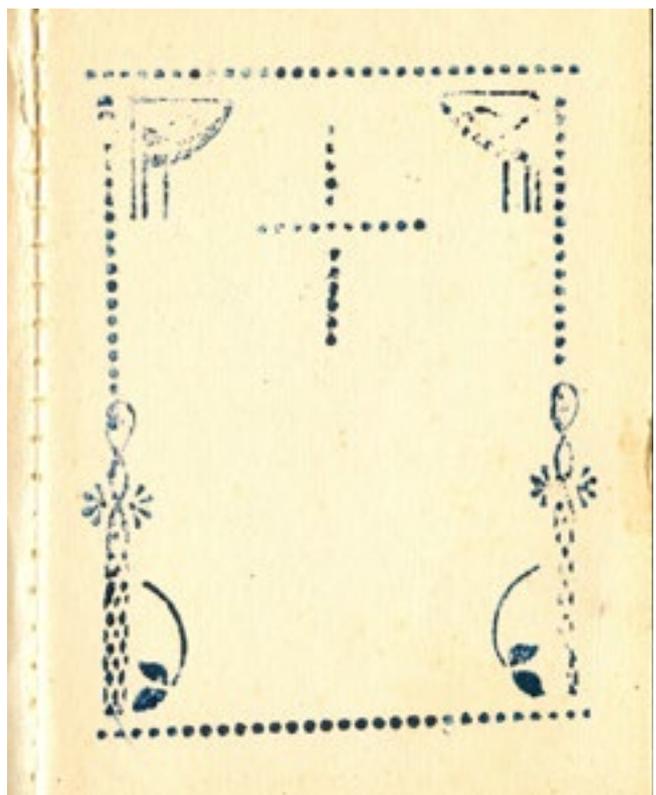
Труждающиеся, поющие и предстоящие

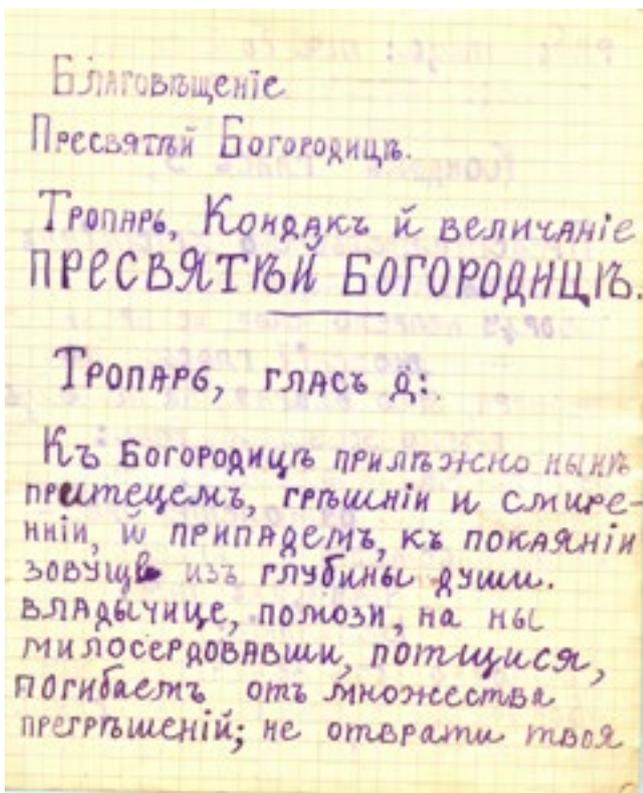
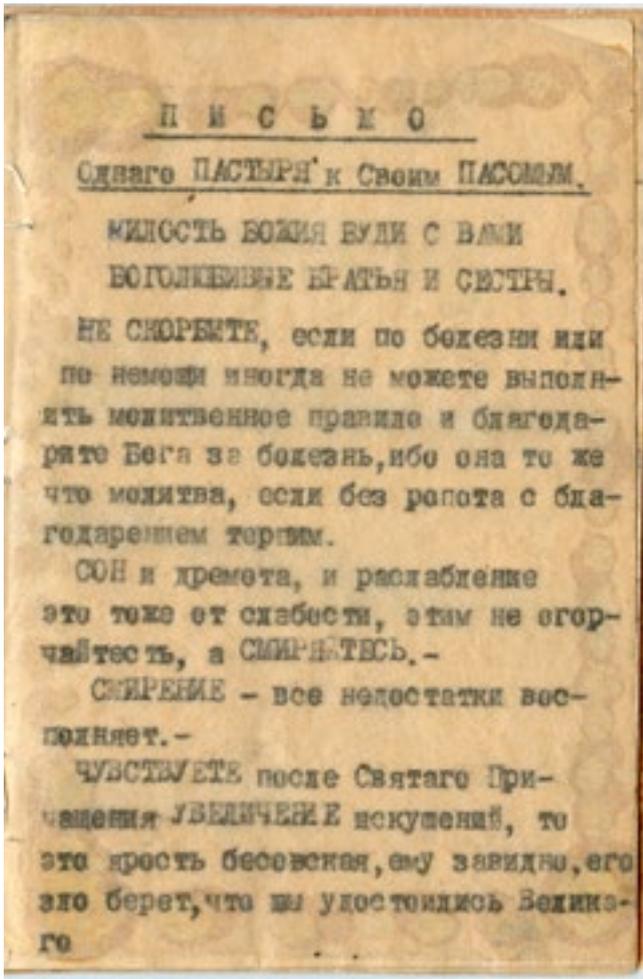
Хоры, о которых помянул в докладе товарищ Трушин, были предметом гордости Богоявленского храма в послевоенное время. В этой единственной на весь город церкви долгие годы регентом служил Анатолий Ильич Соловых, сам начинавший как певчий. После школы он мечтал стать офицером и поступил в танковое училище, но незадолго до выпуска, во время занятий, его танк перевернулся, и Анатолий получил тяжелую травму ноги. Из армии его комиссовали, пенсию дали маленькую. Сильно хромая, он не мог устроиться на работу и, когда ему предложили подработать в церковном хоре, согласился. Пришел в храм – да там и остался, покоренный красотой церковного распева, а позже – проникшись верой.

Таким же путем прошли многие другие, и трудно оценить подлинную роль богоявленских хоров в деле спасения душ коломенцев. Именно хоров, потому что их было несколько. На правом клиросе пели профессионалы под руководством Анатолия Ильича Соловых, на левом – любители из числа прихожан. А еще был детский хор, про который и писал товарищ Трушин. Из него вышло много верующих людей, дети которых потом стали священниками и певчими.

Попасть в хор правого клироса Богоявленской церкви было совсем непросто – брали не всех. Здесь пели настоящие профессионалы, служившие в хоре им. Свешникова, преподававшие в училище им. Ипполитова-Иванова, состоявшие в московских оперных труппах. Роль хора левого клироса была вспомогательной. Он подменял правый клирос, например, во время причастия, которое в советское время из-за количества людей могло длиться дольше часа. Правый клирос в это время получал передышку, потому что хору предстояла дневная репетиция, а потом вечерняя служба.

К середине 1970-х годов хор правого клироса состоял из 33 человек. Из них 14 мужчин: 7 басов и 7 теноров. Привлеченные красотой пения, в храм стали ходить преподаватели и учащиеся хорового отделения местного музыкального училища. Власти, узнав про это,

вызывали регента в райком партии и сделали выговор: «Устроил, понимаешь, консерваторию какую-то!» Приходу приказали сократить состав хора вдвое. Пришлось исполнять. Но хор продолжал держать высокий уровень мастерства, и его частенько приглашали петь в другие храмы, когда там ожидалось архиерейское служение.

Реальностью жизни той поры был дефицит нот и текстов. В советское время они не издавались, а потому старые ноты берегли, переписывали от руки. Хорошая библиотека богослужбных песнопений стоила столько же, сколько автомобиль «Победа». Но найти такое собрание было трудно, а уговорить продать его – еще труднее. Обычно распродажи таких коллекций происходили после смерти регента, владевшего нотными сокровищами.

Особенным в Богоявленском храме было и освещение: здесь долго оставались старые паникадила, которые опускали и поднимали специальным механизмом на цепях. Свечи в них расставляли вручную, зажигали специальным шестом с фитилем на конце и гасили другим шестом, с колпачком. Все было как в старину, и это создавало особенную атмосферу таинства.

Был в этом и чисто практический толк: Богоявленский храм, сам по себе маленький и темноватый, со свечным освещением, позволял тем, кто боялся быть замеченным, укрыться в полумраке.

А таких было немало. Риснуть открыто ходить в храм мог далеко не каждый. Членов КПСС и ВЛКСМ на работу в храм брать запрещалось, поэтому людям приходилось делать выбор. Выйти из партии или комсомола означало открыто противопоставить себя советской власти. Но ради служения на приходе и пения в хоре среди коломенцев находились и такие.

В это время важную роль стали играть пожилые женщины – на них власть как бы махнула рукой, допустив «чудить на старости лет». Многие верующие, которые не были очень старыми, старались «стариться» для виду, чтобы обмануть зоркий глаз неугомных парторгов, комсогов, профессиональных «наблюдателей» и доносчиков-энтузиастов.

КОЛОМЕНСКИЕ МАНУСКРИПТЫ

До изобретения печатного станка для тиражирования текстов существовал только один способ – переписывание вручную. В годы гонений на первых христиан тайно копирувавшиеся тексты свидетельств и посланий распространялись по всему миру – так рождалась великая духовная литература. Позже копированием духовных книг занимались в особенных мастерских – скрипториях, которые находились при монастырях. Штат этих мастерских состоял из переписчиков-«каллиграфов» и «справщиков», совмещавших обязанности корректоров и редакторов. Руководил работой скриптория монастырский библиотекарь.

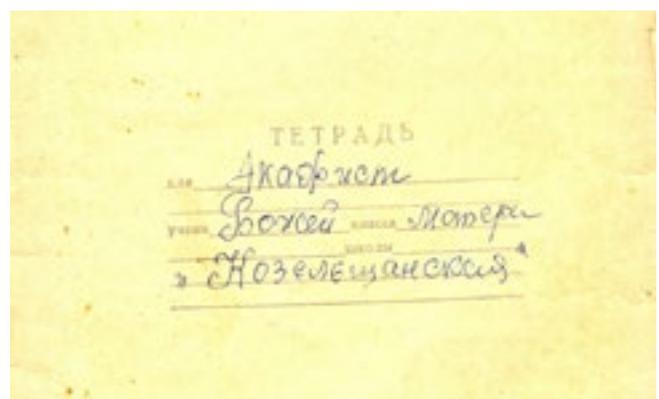
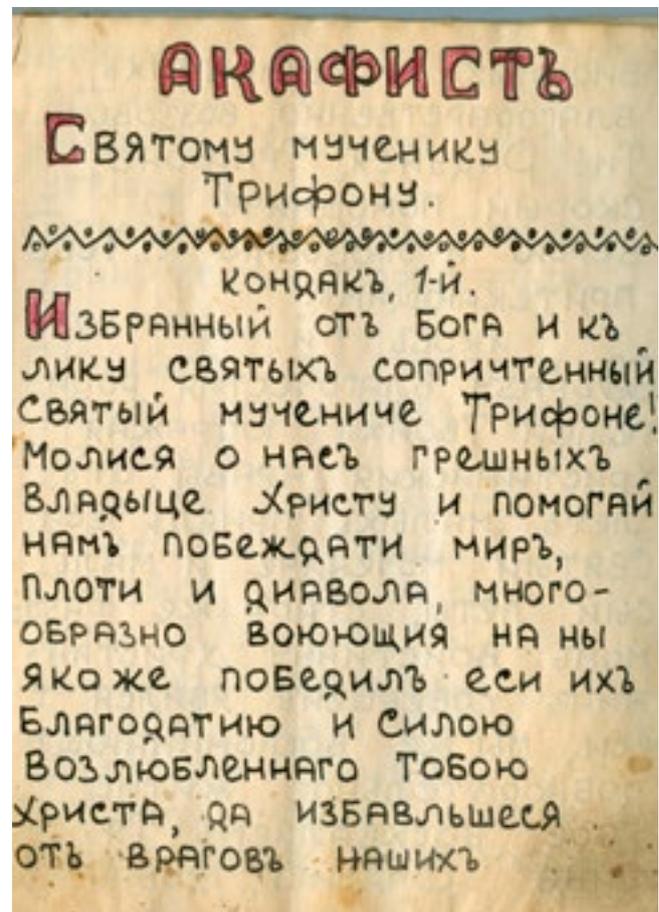
Копирование книг считалось угодным Богу делом, а потому суета и небрежность в работе не допускались. С началом работы в скриптории воцарялась тишина, и войти в мастерскую, кроме библиотекаря, мог только настоятель монастыря.

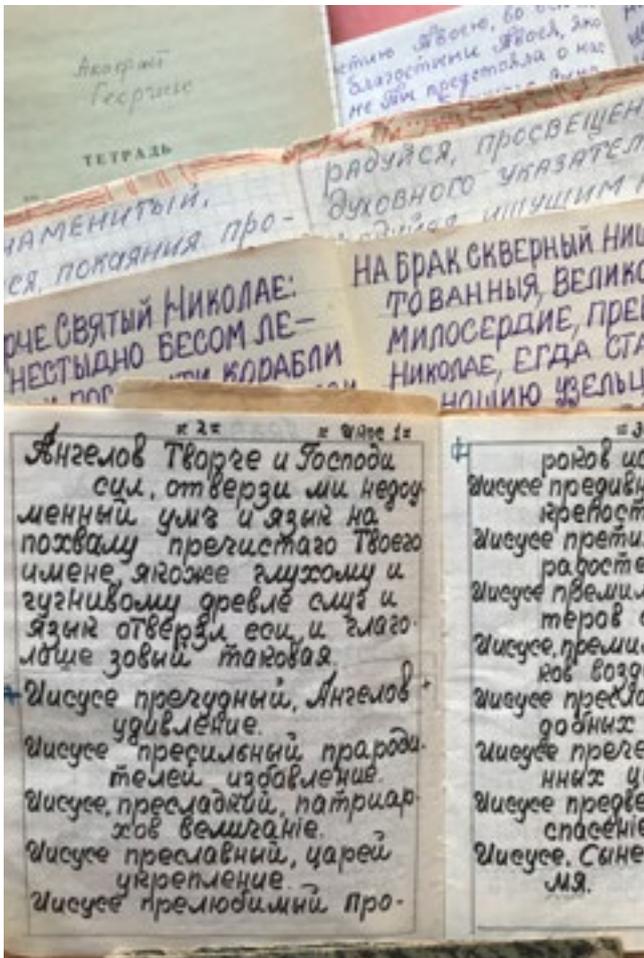
Готовые листы отдавали переплетчикам, которые собирали из них книги, называемые «манускриптами» – от латинских слов manus «рука» и scribo «пишу».

Примерно с середины XVI века, по мере развития типографского дела, гегемония каллиграфов стала утрачиваться, а еще лет через сто тиражирование книг полностью перешло на типографский способ.

Казалось, технический прогресс навсегда превратил манускрипты в раритетный атрибут средневековья, но в XX веке к практике переписывания пришлось вернуться в Советской России. К старинным технологиям заставила обратиться острая нужда, возникшая в среде верующих. В СССР 11 марта 1931 года был принят закон, запрещающий продажу Библии в государственных книжных магазинах, а за контрабандный ввоз Книги книг на русском языке полагался пятилетний тюремный срок.

Идеологи коммунистической партии из кожи вон лезли, добиваясь того, чтобы люди забыли слова молитв, евангельские образы и

библейские сюжеты, однако усилиям партийных пропагандистов сдались, как оказывается, далеко не все.

Не афишируя своих воззрений, внешне вполне походя на «советских людей», многие продолжали исповедовать православие. Старые, изданные до революции Евангелия, Библию и молитвословы берегли как зеницу ока, аккуратно ремонтировали и тщательно прятали. С этих-то старых книг вручную и снимали копии, как в средние века. Если удавалось, «отбивали» тексты на машинке под несколько листов копирки. Все эти деяния попадали под статью уголовного кодекса о «нелегальном распространении антисоветских материалов», но люди шли на риск, готовые пострадать за веру.

В Коломне свой тайный скрипторий устроили несколько прихожанок Богоявленской церкви. Сколько их было и как их звали, в точности не известно. Люди соблюдали конспирацию, и надо отдать им должное – вполне в том преуспели. Но имя одной переписчицы все же сохранилось. На этом поприще немало потрудились Раиса Яковлевна Земскова, долгие годы работавшая чертежницей и обладавшая четким, легко читаемым почерком.

Выйдя на пенсию, Р. Я. Земскова работала контролером проходных на ЗТС и усердно посещала храм, став певчей левого клироса. Со временем у Раисы Яковлевны и ее коллег по хору появилась тайна – они занялись перепиской текстов. Многое из того, что было переписано «левым клиросом», цело до сих пор. Время от времени эти старые тетрадки и блокноты приносят в храм Михаила Архангела, оставляя на столике при входе. Таким образом удалось собрать целую коллекцию «манускриптов» коломенского происхождения. И чего в ней только нет!

Некоторые рукописи были произведениями явно профессиональных каллиграфов, да еще в несколько цветов, с затейливыми заглавными буквами! Но большей частью это простенькие тетрадки, в две копейки ценой, исписанные крупными печатными буквами: такой текст мог читать самый малограмотный или плохо видящий человек. Встреча-

ются тяжелые тома отпечатанных на машинке страниц, переплетенных в обложки без названий и «особых примет». Есть дореволюционные издания, с которых копировались тексты «манускриптов», и среди них настоящая драгоценность – Евангелие, для маскировки вклеенное в общую тетрадь под клеенчатой обложкой.

Ещё один занятный предмет – заготовка под молитвослов: уже размеченная маленькая книжечка с оставшимися чистыми листами... Возможно, переписчик начал работу, да не успел завершить.

Настоящая историческая загадка

Среди прочего среди принесенного в храм попала очень занятная книга – «Символ веры с пояснениями», составленная придворным протоиереем Дмитрием Соколовым, отпечатанная в 1897 году в петербургской типографии С. П. Яковлева. На чернильном

экслибрисе можно разобрать надписи на русском и немецком языках «Наследники А. Г. Григорьева, магазин книжный и канцелярских принадлежностей. Нарва».

На первой обложке сборника некто отчего-то по-английски расписался «Boris Volgin». Потом той же рукой, но ниже оставлена заметка: «26.03.38 года наблюдалась первая гроза в 5 часов вечера», – однако где именно она наблюдалась, не уточнялось. На последних страницах книги в девяти пунктах был расписан первый год жизни некоего Александра Никитича Кузьмина, родившегося «28-го сентября 1901-го года в пятницу, в 8 часов утра при благоприятной и ясной погоде». Следующий пункт извещал о том, что Саня уже на третьей неделе жизни стал смеяться, а в воскресенье 14 октября в 7 часов вечера его крестил о. Василий Альбов, при восприемниках Семене Ивановиче Чугунове и Маргарите Ивановне Боле. В феврале 1902 года у Саши прорезались первые зубки, а в апреле он стал говорить «папа».

Когда Александру Никитичу стукнул годик, в октябре 1902 года, он сам встал на ножки и пошел...

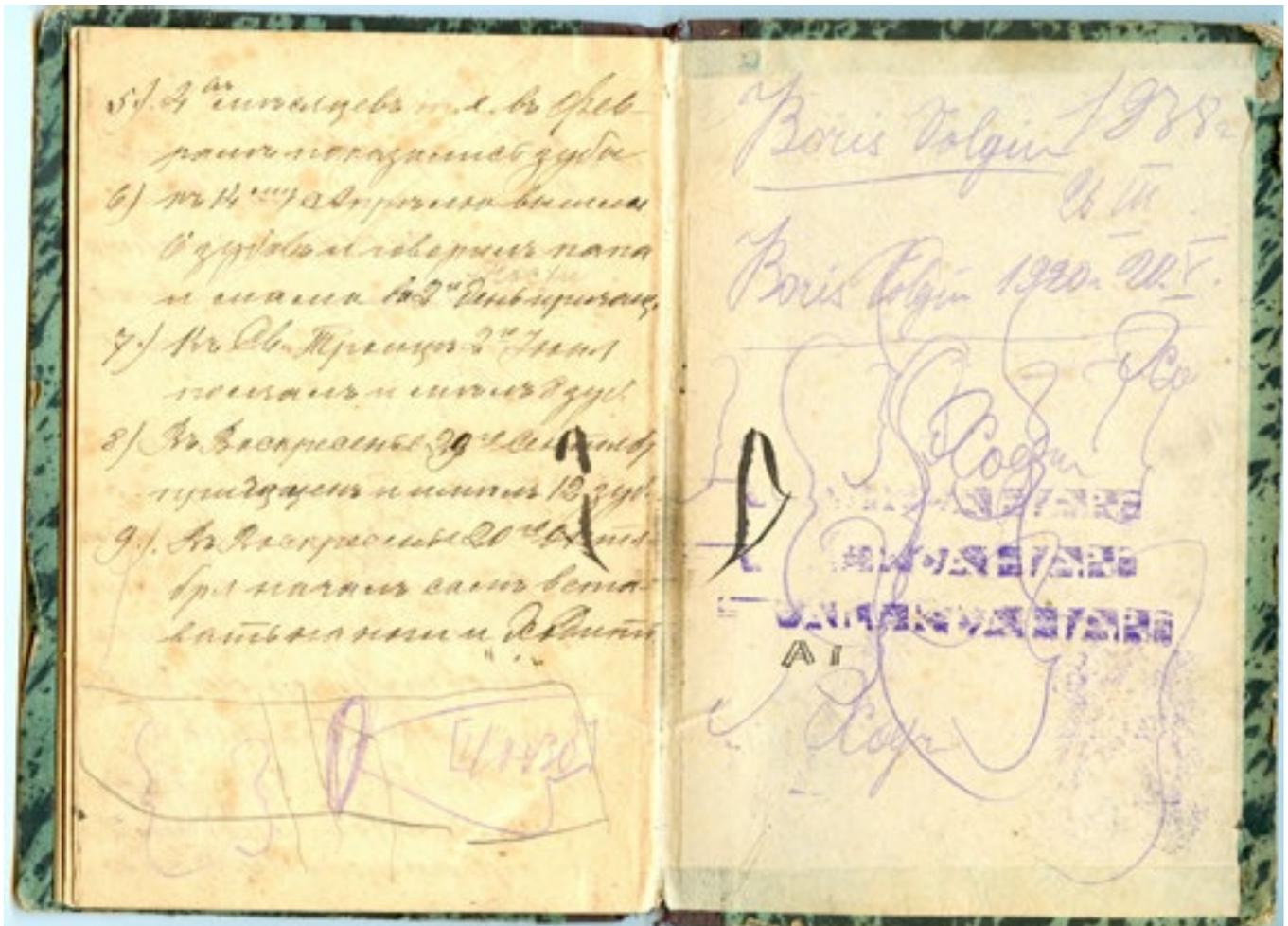
Кроме этих трогательных записей о подрастающем малыше, на чистом месте тыловой обложки снова некто Борис Волгин упражнялся с автографом по-английски и оставил дату – 20.05.1920. Кто были эти люди? Какую роль в жизни Бориса Волгина играли отмеченные числа разных лет и почему он расписывался по-английски? Ответа нет.

Удалось отыскать след помянутого о. Василия Альбова. Выпускник новгородской семинарии, он служил в Николаевском храме села Маслогостицы, Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Это совсем рядом с Эстляндией, по дороге на Нарву, где, судя по эклибрису, была куплена книга. Увы, и этот след оборвался, так как о. Василий служил в Николаевском храме только до 1897 года, а Сашеньку Кузьмина он крестили в октябре 1902-го, но где именно? Куда его перевели? Одним

словом – не книжка, а целый набор загадок, ветром исторических процессов занесенный в Коломну и попавший на церковный столик для обмена книг.

Уже сейчас накопленный материал может послужить основой музейной коллекции особого рода – документов интеллектуального и духовного андеграунда эпохи воинствующего атеизма. Только вот какой музей возьмет ее? Пока все это проходит по разряду «дилетантского собирательства», над предметами нависает опасность уничтожения: их истинную ценность понимают совсем немногие современные люди. И часто, после смерти владельца, посчитав хламом, выбрасывают. Чтобы сохранить эту немаловажную часть отечественной истории, нужно совсем небольшое усилие: прийти в храм и выложить кажущиеся ненужными вещи на столик у входа...

Валерий Ярхо

Сцена из спектакля. Театр «Живая вода»

Если искусство мертвое, оно убивает,
если оно живое, оно может прийти до человеческих глубин и там
разбудить возможность вечной жизни.

Л. И. Иванова,
актриса театра и кино

ЖИВАЯ ВОДА

Что первое приходит нам в голову, когда мы слышим слово «театр»? Ярко освещенная сцена, красочные декорации, артисты, выразительно проживающие свою роль, костюмы, соответствующие эпохе и замыслу режиссера, музыка, таинственность и интрига... Театр – это удовольствие. Человек идет туда, чтобы посмеяться и поплакать, получить новые впечатления, отдохнуть, вдохновиться, задуматься над «вечными» вопросами. Ведь предназначение театра – развлекать и поучать. Но театр может быть еще местом для проповеди, местом, где служат Богу, пробуждая души людей. Именно такую цель ставит перед собой Московский театр «Живая вода», приглашая зрителей на яркие, глубоко-трогательные и искрометные, с динамикой сцен и тонким юмором спектакли, которые привлекают детей и взрослых, вызывают живой интерес у молодежи.

Пятнадцать лет назад Ларисе Ивановне Никулиной один священник сказал: «Пора заниматься своим делом – тем, чему училась». А училась Лариса Ивановна театральному искусству: сначала в Саратовском театральном училище имени Слонова, затем в ГИТИСе. Но служить искусству Ларисе Ивановне – человеку глубоко верующему, церковному, – не представлялось возможным, и тогда было принято решение служить искусством Богу. Так в 2003 году начал свое существование театр «Живая вода». Название это неслучайно, его подсказал священник, напомнив евангельский сюжет о встрече Христа с самарянкой, где Христос говорит, что может дать воду живую. Всякий, «кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 14). Под живой водой в евангельском тексте понимается слово Божие. Это задает тон работы в театре, ее уровень, для которого необходим высокий профессионализм и горячее желание служить Богу.

На сегодняшний день в репертуаре театра 12 активных спектаклей, и все они либо поднимают острые социальные проблемы, либо раскрывают христианское учение, показывая его красоту и глубину.

«**День Ангела**» – история о современном молодом человеке, обретшем веру в Бога.

«**Но, память, память все жива...**» – музыкально-драматическая композиция о защитниках нашей Родины, основанная на реальных письмах ВОВ.

«**Сердцебиение**» – программа о сохранении жизни, предостерегающая молодежь от абортов.

«**Пасха Красная**» – пасхальный праздник для детей.

«**Путешествие в Вифлеем**» – Рождественская история в пересказе для детей.

«**Лоскутки памяти**» – программа старинных русских песен.

«**Он-Она**» – искрометный спектакль-притча о секретах семейного счастья.

«**Как Букашечка стала Божьей**» – сказка-притча для детей и их родителей о том, что такое настоящая Любовь и кто он – настоящий Друг.

«**Чё к чему, или Таблетка от депрессии**» – ироничная история, наполненная глубокой проблематикой сегодняшней молодежи: одиночестве в сетях интернета, дефиците человеческого общения...

«**Верные Точка Ру**» – спектакль, рассказывающий о верных Государю людях, показывающий, что же такое настоящее служение Родине, Царю и Богу...

«**Варежки от Варюшки**» – пронзительная история о великой княгине Елизавете Федоровне, построенная на письмах святой.

«**Фрейлина**» – еще один спектакль из цикла «Верные», посвященный фрейлине императрицы, причисленной к лику святых, – Анастасии Гендриковой. Исторические картины в спектаклях цикла «Верные» переплетены с событиями современности, поиском ответа на вопросы о счастье, семье, смысле жизни.

«**Мама Габриэли**» – спектакль о святом блаженном Гаврииле (Ургебадзе), а также о нас: о нашем нежелании видеть очевидное и о нашем желании стать лучше.

За глаза друзья театра «Живая вода» называют его театром «передвижников и подвижников». О том, почему появилась такая характеристика, а также о внутренней жизни театра мы решили спросить у художественного руководителя, режиссера и сценариста – Никулиной Ларисы Ивановны.

– **Лариса Ивановна, скажите, что послужило поводом для «передвижников и подвижников»?**

– Все очень просто: наш театр не стационарный, у нас нет своего помещения, репетируем и играем на разных площадках, чаще всего нам предоставляет место Новоспасский монастырь. Кроме того, наше служение миссионерское: мы выходим в школы, колледжи, вузы, храмы, воинские части, организации. Мы играем в разных городах, куда нас приглашают, где есть наши единомышленники, участвуем в просветительских проектах. Один из наиболее масштабных – «Диалоги о семейных ценностях» – проект, прошедший в 2013 году в Сургуте, где в течение недели мы играли спектакли, а священники и ученые беседовали со школьниками и студентами о красоте человеческих отношений, об обретении человеком себя и смысла жизни.

А подвижниками все участники нашего творческого коллектива являются, во-первых, потому, что работать в таком формате непросто: каждый раз нужно подстраиваться под новые условия, новую сцену, а, во-вторых, чтобы прокормить семью (а у нас есть и многодетные с пятью, шестью и даже десятью детьми), ребятам приходится работать еще и в других местах, из-за чего наши репетиции порой начинаются глубоким вечером. Каждый, кто к нам приходит, уже совершает поступок, поскольку понимает, что здесь не заработаешь, а трудиться придется много. Наш театр никем не финансируется, мы живем за счет продажи билетов и помощи друзей. Иногда бывает чувство, что мы висим на тонкой ниточке, но нас укрепляет вера, что эту ниточку держит в руках Господь.

– Все спектакли в театре авторские, написанные вашей группой сценаристов. Расскажите, кто с Вами работает, откуда берете идеи и темы для спектаклей?

– Еще раз укажу на то, что наша цель – проповедь, а в России сейчас много животрепещущих тем, на которые важно говорить с людьми. Кроме того что тема должна быть актуальной для зрителей, она должна откликнуться и в наших сердцах, иначе на сцене будет фальшь. Когда транслируешь то, что чувствуешь сам, за что болеет твое сердце, ты можешь вызвать ответное чувство у зрителя, можешь вызвать «алмазные» слезы, очищающие душу. Мы

долго искали своего автора не с назиданием, а с искрометным словом, пока не познакомились с творчеством Наталии Сухиной, которая стала соавтором нескольких спектаклей. «Варежки от Варюшки» мы делали вместе с Ольгой Клюковой, автором серии книг «Святые в истории. Жития святых в новом формате». Работа над сценарием не прекращается даже с началом репетиций: отшлифовывается, додумывается, порой серьезно переделывается. И на протяжении всей работы над спектаклем, а это длится год-полтора, мы советуемся со священниками, так как духовные темы требуют осторожности и грамотности.

– В своем рассказе Вы часто произносите: священник благословил, подсказал, помог... Кто этот священник?

– На самом деле у нашего театра десять друзей-священников, которые молятся, поддерживают, помогают кто чем может. Особенно хочется сказать о священнике Сергии Баранове – духовнике Иверского женского монастыря в Орске – человеке, у которого на первом месте стоит молитва. Вместе с игуменьей монастыря Ксенией (Пашковой) они создали в обители атмосферу радости, любви и молитвы. Мы всегда пользуемся возможностью побывать в монастыре, ведь игуменья Ксения пять лет была с нами в театре, пламенно служила своими талантами певицы, актрисы, режиссера.

– Почему театр «Живая вола» называется православным? Все ли артисты в Вашей группе церковные люди?

– Действительно, в начале нашего пути мы особенно позиционировали себя театром православным с целью обозначить направленность нашей работы. Для нас Православие не форма, а суть, главная драгоценность, сама жизнь. В нашем большом коллективе (вместе с административными и техническими работниками нас почти сто человек) есть и глубоко церковные, и те, кто на пороге храма. Некоторые воцерковляются изнутри. Здесь важен дух театра: то, что мы проповедуем и то, как мы живем. В атмосфере любви, искреннего служения Богу, помощи и сопереживания, молитвы друг за друга, душа сама раскрывается. Мы

следуем совету праведного Алексея Мечева: ждем, когда бутон раскроется, не отрываем лепестки. Вера – личное, сокровенное дело души человека.

Что касается зрителей, то мы открыты для всех (не только для православных) и рады всем. Наши спектакли современны и по форме, и по проблематике. Вопросы, которые мы в них поднимаем, рано или поздно задает себе каждый человек.

– **Здесь мне хочется добавить. Каждый раз, приходя к вам, приятно удивляешься тому, что зал всегда полон, а ведь ваши спектакли не развлекательные, на них душа должна трудиться. Вспомнила сейчас случай, когда на день памяти великого князя Сергея Александровича Романова вы играли в Новоспасском монастыре «Варежки от Варюшки». Людей было столько, что сидячих мест всем не хватило, в том числе и нашим родителями (мы приехали с подростковым клубом «Форпост»). После спектакля я попыталась объяснить ситуацию, на что одна мама просто сказала: «Этот спектакль нужно смотреть стоя».**

– Это высокая оценка нашей работы.

– **Ваше служение определяется как миссионерское, но в спектаклях большое внимание уделяется не только содержанию, но и оформлению, эстетике, в них много музыки, причем живой.**

– Музыкальность – важная составляющая наших постановок. Одно из свойств музыки – способность мгновенно проникать в сердце, поэтому мы соединяем драматическое искусство с музыкальным. Живое звучание гитары, клавишных, барабанов, бас-гитары, саксофона никого не оставляет равнодушным. Кто-то сказал: «Если нация не поет, то она вымирает». Сейчас мы наблюдаем грустную картину, как из нашей обыденной жизни и со сцены уходят русские народные песни, даже на прослушивании мало кто может их исполнить. Мы ищем старинные русские песни и стараемся включать их в спектакли, у нас есть даже отдельная программа «Лоскутки памяти». Както для спектакля «День Ангела» мы долго не

могли найти колыбельную, пока нам ее не спела одна пожилая прихожанка нашего храма. Записи ее песен мы бережно храним, а ее саму с тех пор называем «наша бабушка». На наших песнях воспитываются дети артистов, и это прекрасно.

– Существует ли опасность для православного артиста подвергнуться гордыни? Проходят ли они испытание славой?

– Для нас значим высокий профессионализм. Все наши артисты – выпускники лучших учебных заведений страны: школы-студии МХАТ, Щепкинского училища, ГИТИС, Московской консерватории, Российской академии музыки имени Гнесиных. Мы требовательны к качеству своей работы и будем на этом стоять. Но при этом среди достоинств театра – отсутствие актерничества, себялюбия. Подлинное искусство не может быть без любви, без желания помочь друг другу, без умения радоваться успехам другого. Если артист несет только себя, имеет дух зависти, он не наш. Были случаи, что мы расставались с

высокопрофессиональными актерами, дух которых противоречил царящей у нас атмосфере творческой доброжелательности и любви. Ведь дух не сретипуешь! Мы должны сами жить так, как проповедуем со сцены, зритель на глубинном уровне все чувствует.

– Лариса Ивановна, что такое театр для Вас лично? Что Вас вдохновляет на труды?

– Для меня театр «Живая вода» – это огромная радость от возможности служения, которое само по себе является вдохновением. Поэтому, несмотря на интенсивность и напряженность работы и разного рода переживания, усталости не чувствуешь. Когда видишь глаза зрителей и понимаешь, что затронули сердце, благодаришь Бога за предоставленную тебе возможность. Иногда происходят совсем чудесные истории. Однажды после спектакля «Он-Она» ко мне подошла молодая супружеская пара со словами благодарности. Оказалось, что незадолго до этого вечера они подали заявление на развод, но решили в последний раз куда-нибудь сходить вместе. Так случайно они оказались на нашем спектакле, во время которого пришло осознание ценности и значимости собственного брака, готовность признать свою вину и начать строить отношения на новых принципах.

– О чем еще Вы хотите сказать зрителям? Над каким спектаклем работаете сейчас?

– Сейчас у нас в работе сценарий о Петре Аркадьевиче Столыпине. На его примере мы хотим показать, какими могут быть люди у власти: с молитвенной любовью к семье и бесстрашной любовью к России. Все знают Столыпина как великого реформатора, но мало кому известно, что он был горячим молитвенником и нежным супругом.

Русский философ и богослов Иван Ильин заметил, что «большевики победили не потому, что были сильны, а потому, что мы были слабы» и пассивны. Хочется, чтобы наш народ был силен в духе любви, соборности и верности Богу.

Материал подготовила
Анастасия Киселева

В оформлении использованы фотографии спектаклей и репетиций из архива Л. И. Никулиной

Когда дорога весело манит, перешагнув порог, привычное оставить
И к новому всю жизнь свою направить, то думаешь: «Нигде не заболит!..»
И веришь, что сумеешь всё обнять и сделаешь родным чужое место,
И солнечные блики будут вместо Москвы-реки в другой реке сиять...

Но запах листьев Окского проспекта и небо над Бобрёвской стеной
Вдруг зазвучат такой тоской родной, что задохнешься на бегу... И где-то
В прозрачном мягком вечере, весной, колес постукиванье слышно станет,
И «Станция Коломна!» – словно грянет, – мост двинется навстречу навесной...

И поплывет старинный город мой, перед окном, с домишками, церквями,
С пустым трамвайным кругом, тополями, с высокой старой крепостной стеной...
И видишь, как нам время сберегло, всё что любимо и давно знакомо,
И удивительное слово «дóма» тихонько через душу проросло.

Ольга Индзинская

